

Об Информационно-аналитическом центре «СОВА»

Наш центр был создан в октябре 2002 года.

Его работа отражается на сайте <http://sova-center.ru>, разделы которого обновляются ежедневно и активно. Общий принцип работы разделов сайта: новости, аннотации публичной полемики и собственные публикации структурируются тематически, даются ссылки на максимум полезных источников. На сайте можно подписаться на ежедневную рассылку по всему сайту или по любому разделу. Вы также можете написать на адрес mail@sova-center.ru

Тематика разделов сайта:

«Расизм и ксенофобия» — проявления радикального национализма и этноксенофобии, противодействие им со стороны государства и общества.

«Религия в светском обществе» — межконфессиональные отношения, многообразные коллизии между институтами светского общества и религиозными объединениями.

«Неправомерный антиэкстремизм» — злоупотребления антиэкстремистским законодательством для неправомерного ограничения гражданских свобод.

Книги:

С 2008 года мы издаем сборники годовых докладов «Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России» на русском и английском языках.

Выпущены два издания методических рекомендаций «Мониторинг агрессивной ксенофобии».

Мы выпустили монографию «Политическое православие», сборники докладов по языку вражды в СМИ, сборники статей по проблемам расизма, национализма и антилиберальных тенденций в обществе, а также справочник «Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица» (2009). Всего нами опубликовано 16 книг.

Наши контакты:

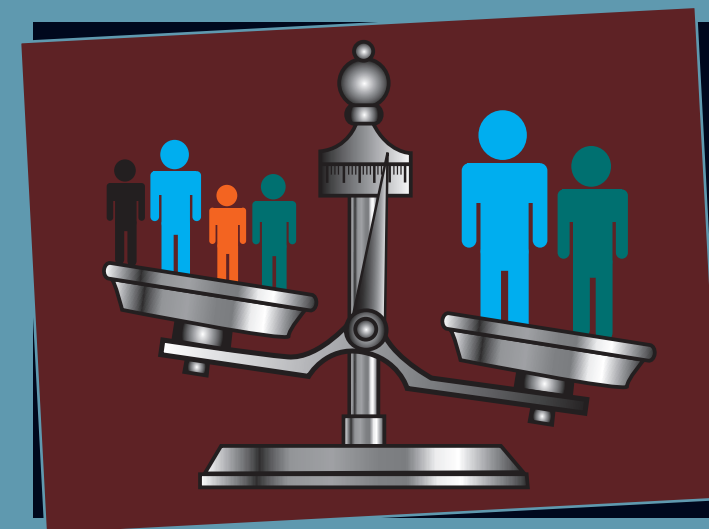
Почтовый адрес: 103982, Москва, Лучников пер. д.4, под. 3, к. 2.

Тел./ факс: (495) 730-34-13

E-mail: mail@sova-center.ru

◆ Расизм: современные западные подходы

Расизм: современные западные подходы

Москва
2010

Ware, Vron. 1992 *Beyond the Pale: White Women, Racism and History*, London: Verso.

West, Cornel. 1989 *The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism*, Madison: University of Wisconsin Press.

West, Cornel with Mendieta, Eduardo. 2004 'Empire, Pragmatism, and War: A Conversation with Cornel West'. *Logos* Vol. 3, no. 3 (Summer).

Wieviorka, Michel. 1995 *The Arena of Racism*, translated by Chris Turner, Thousand Oaks, CA: Sage.

Winant, Howard. 2004 *The New Politics of Race: Globalism, Difference, Justice*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

** 2001 *The World Is a Ghetto: Race and Democracy Since World War II*, New York: Basic.

** 1994 *Racial Conditions: Politics, Theory, Comparisons*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Yamamoto, Eric. 1999 *Interracial Justice: Conflict and Reconciliation in Post-Civil Rights America*, New York: New York University Press.

Zinn, Maxine Baca and Dill Bonnie, Thornton (eds.) 1994 *Women of Color in U.S. Society*. Philadelphia: Temple University Press.

Мартин Райзигл и Рут Водак

«Раса», расизм и дискурс: междисциплинарный, исторический и методологический обзор

Что именно мы должны понимать под словами «расистский» и «расизм»? С какими особыми формами «генетического», «культурного» и «институционального расизма» мы сегодня сталкиваемся и каковы причины их возникновения? Каким образом различные формы расизма проявляют себя в дискурсе? Можно ли отличить расизм от смежных или, возможно, частично совпадающих с ним понятий вроде антисемитизма, национализма, этницизма и сексизма? Какие аналитические, а также дискурсивно-аналитические критерии можно использовать (если их вообще можно использовать) для установления хотя бы относительно четких границ, разделяющих все эти «-измы»? Вот лишь некоторые из тех вопросов, которые по-прежнему, несмотря на большое количество специализированных работ в области социологии, истории, философии и даже дискурсивного анализа, остаются без удовлетворительного ответа (см. дискуссию: Van Dijk et al. 1997).

В этом разделе мы не сможем дать всеобъемлющие ответы на эти вопросы, особенно в отношении подробного обсуждения взаимоотношений между вышеупомянутыми «-измами». Однако мы постараемся рассмотреть концепции «расы» и «расизма», а также произвести краткий обзор четырех дискурсивно-аналитических подходов к проблеме расизма, проиллюстрировав их небольшими примерами.

В основе дискурсивно-аналитического подхода к феномену расизма лежит понимание того, что расизм в качестве социальной практики и идеологии проявляется дискурсивно. С одной стороны, расистские взгляды и убеждения порождаются и воспроизводятся посредством дискурса, с другой стороны, через дискурс подготавливаются, распространяются и

Reisigl Martin, Wodak Ruth. 'Race', racism and discourse. An interdisciplinary, historical and methodical overview // *Discourse and Discrimination. Rhetorics of racism and anti-Semitism*. L. – NY: Routledge, 2001. P. 1–30.

© Martin Reisigl, 2001

© Ruth Wodak, 2001

Шеховцов А.В., 2010 – перевод

легитимируются дискриминационные, исключаяющие практики. Расистские (националистические, этнистские, сексистские) предубеждения можно представить в качестве особых ментальных состояний, образованных из обычно негативных, стойких и эмоционально нагруженных обобщающих установок в отношении социальных групп (ср.: Quasthoff 1987: 787). Для того чтобы проникнуть в суть социальной и исторической структуры и динамики этих предубеждений, аналитикам дискурса приходится соотносить дискриминационные лингвистические характеристики с социальным, политическим и историческим контекстом анализируемых «дискурсивных событий». ...

В то же время дискурс служит инструментом критики, делегитимации и опровержения расистских взглядов и практик, то есть способствует продвижению антирасистских стратегий. В этой связи перед исследователями, работающими в традиции критического дискурса-анализа (КДА), стоит, по меньшей мере, две задачи. Во-первых, они могут попытаться описать существующие антирасистские дискурсивные практики и оценить их с точки зрения эффективности. Во-вторых, поскольку сторонники КДА стремятся к политическому участию в борьбе против расизма и дискриминации, они могут включиться в деятельность гражданского общества и предложить конструктивную критику существующей антирасистской политики с целью ее оптимизации ...

Концепции «расы» и «расизма»

«Раса»? «Раса»? «Раса».

Историко-политический этимологический обзор

Для современных генетиков и биологов является неоспоримым фактом, что использование концепции «раса» для описания людей никак не связано с биологической реальностью (Jasquard 1996: 20). С социально-прикладной точки зрения, «раса» является социальным конструктом. С одной стороны, это понятие используется в качестве идеологического инструмента, легитимирующего притеснение и эксплуатацию отдельных социальных групп, а также для отказа этим группам в доступе к материальным, культурным и политическим ресурсам, к рабочим местам, социальному обеспечению, жилью и политическим правам. С другой стороны, ущемленные группы приняли концепцию «расы» ... и стали использовать ее для построения альтернативной позитивной модели собственной идентичности. Кроме того, они заложили понятие «раса» в осно-

ву политического сопротивления (Miles 1993: 28) и борьбы за большую политическую автономию, независимость и участие в жизни общества.

С лингвистической точки зрения, термин «раса» имеет короткую, и не вполне ясную этимологическую историю. Начиная с XIII века итальянское слово «*razza*», испанское «*raza*», португальское «*raça*» и французское «*race*» редко употреблялись в документальных источниках, однако с XVI века эти термины стали встречаться в литературе уже чаще. Существуют свидетельства о том, что слово «*race*» появилось в XVI веке и в английском языке. В разное время данный термин входил в различные семантические поля. Например:

- поле порядковые и классификационные понятия, которые включают такие слова, как «род», «вид», «разновидность»;
- социальные и политико-групповые категории вроде «нация» и «*Volk*» (народ, нем.), или, реже, «династия», «правлящий дом», «поколение», «класс», «семья»;
- понятия, отсылающие к языковым группам и семьям, например, «германцы» (тевтонцы) и «славяне» (Conze and Sommer 1984: 135).

Что касается последнего семантического поля, а также сопутствующего объяснения и классификации «рас» — воспринимающихся как эквивалент языковых семей — и легитимации расизма, то в этом мы видим бесславный идеологический вклад филологии и лингвистики. Помимо ответственности за расиалистский захват, синекдохальное обобщение и мифологизацию «арийцев» — изначально «арийцами» называли себя персы, проживавшие в Иране и на северо-западе Индии (Poliakow 1993, Römer 1985, Conze and Sommer 1984: 159) — филологи и лингвисты несут ответственность, по меньшей мере, еще за три ошибки, послужившие основой для сближения и наложения классификаций рас и языков (Römer 1985: 41 ff.). Во-первых, они виновны в том, что смешали языковые взаимоотношения (*language relationships*) и отношения между носителями языка (*speaker relationship*): до второй половины XX века филологи и лингвисты считали, что отдельная «языковая семья» тесно связана с особой и однородной группой лиц и что лингвистическое «родство» автоматически подразумевает «кровную связь» между носителями определенного языка или языковой семьи. Очевидно, что подобный биологизирующий взгляд игнорирует все исторические и географические случайные обстоятельства и факторы «лингвистического империализма», оказывающие огромное влияние на выбор языка, его смену, распространение и не имеющие ничего общего с естественным развитием. Во-вторых, лингвисты и филологи несут ответственность за утверждение дискриминационной иерархии языков и языковых типов. Они ответственны за ев-

роцентристские, этноцентристские и эволюционистские допущения — о языках и языковых группах, развивающихся поступательно от нижнего до высшего уровня, и существовании преемственности, — а также о том, что положение языка в иерархии до сих пор может быть обосновано, если взглянуть на «актуальные» взаимоотношения между языками и языковыми типами. В-третьих, и это имеет прямое отношение ко второму пункту, лингвистов и филологов можно призвать к ответу за метафорическое, натурализующее и персонифицирующее описание языков как организмов и квазичеловеческих существ, а также за смешение языковых форм и типов с предполагаемым уровнем культуры и социальной компетентностью носителей языка. Вплоть до второй половины XX века проводилась параллель, согласно которой люди якобы «примитивной» культуры говорят на якобы «примитивных» языках, в то время как люди предположительно «высокой» культуры должны говорить на высокоразвитых языках — так называемых языках цивилизованного мира. Чем больше структура «экзотического» языка — «экзотического» с предвзятой европейской точки зрения — отличается от структуры инфлективных индоевропейских языков, тем в большей степени и язык, и его носители считались «ненормальными» и «примитивными». В худших случаях некоторые «экзотические» языки низводились до уровня звероподобных, то есть сравнивались с речью животных.

Донаучное (до XVIII века) значение «расы», когда оно использовалось в отношении людей — здесь мы не останавливаемся на использовании в различных языках термина применительно к животным, растениям и даже внебиологическим группам вроде «тип» или «сорт» (Il Nuovo Dizionario di Garzanti 1984: 725 и Duden 1989a: 1214 ff.) — в большинстве случаев ассоциировалось с аристократическим происхождением и принадлежностью к той или иной династии и правящему дому. Термин главным образом обозначал «знатность» и «достоинство» и до некоторого времени не имел отношения к физическим характеристикам. Однако в созданных в XVIII—XIX веках псевдобиологических и антропологических классификациях этот термин стал использоваться для обозначения обобщенных фенотипических черт и для категоризации людей со всех континентов и стран. Идея «расы» проникла в политико-историческую литературу и была перенесена в терминологию истории человечества. Во второй половине XIX века концепция «расы», теперь уже обладающая историческими и национальными чертами, была соотнесена с социалдарвинизмом — который лишь частично связан с теорией эволюции Дарвина — и стала «жаргонизмом» за рамками естественных наук. «Расовые теоретики» интерпретировали историю как «расовую борьбу», право на

существование в которой имели лишь наиболее приспособленные «расы». Это модное политическое слово, обладавшее размытыми семантическими границами, использовали фактически в качестве синонима слов «нация» и «Volk» (народ, нем.) в рамках своих биологистских политических программ «расовых чисток», евгеники и контроля рождаемости.

Крайне радикализованная «расовая» теория немецких антисемитов и национал-социалистов, восходящая к традиции Артура де Гобино (Arthur de Gobineau), Хьюстона Стюарта Чемберлена (Houston Stewart Chamberlain) и Георга Риттера фон Шенерера (Georg Ritter von Schönerer), синкретически — то есть соединяя различные куски доктрин без всякого внутреннего согласования — связала воедино религиозный, националистический, экономический, культуралистский и биологистский антисемитизм и стала служить идеологией, легитимирующей систематический геноцид, поставленный на промышленную основу

Что касается «антисемитизма», то термины «антисемитизм» и «антисемитский», которые ретроспективно охватывают обширную сферу религиозной, экономической, националистической, социалистической, марксистской, культуралистской и расистской агрессии и неприязненного предубеждения против евреев, скорее всего впервые появились в 1879 году в антисемитском окружении немецкого писателя Вильгельма Марра (Wilhelm Marr) (Nipperdey and Rürup 1972). В то время слово «антисемитский» использовалось для самоописания как аргумент в политической борьбе «воинственное слово». В 1935 году нацистское Министерство пропаганды (Reichspropaganda-ministerium) установило языковое правило, которое предписывало избегать употребления данного термина в прессе и заменять его термином «антиеврейский» (antijüdisch), *«так как германская политика направлена только против евреев, а не против семитов в целом»* (цит. по: Nipperdey and Rürup 1972: 151). В послевоенной Германии и Австрии термин «антисемитский», несомненно, использовался чаще, чем в эпоху национал-социалистского террора. Это было обусловлено тем, что термин стал политическим клеймом, которое применялось для описания других людей, и его значение было расширено в ходе анализа враждебности к евреям на протяжении всей истории.

Именно использование «расовой теории» немецкими антисемитами и национал-социалистами *«стимулировало более тщательное критическое рассмотрение идеи “расы” в Европе и Северной Америке и появление понятия расизм в 1930-е годы»* (Miles 1993: 29). Скорее всего, термин «расизм» — с суффиксом «-изм», который обозначает теорию, доктрину или школу мысли, а также сопутствующее поведение (Fleischer and Barz 1992: 190) — впервые появился в 1933—1934 годы в названии тогда

еще не опубликованной книги на немецком языке, написанной Магнусом Хиршфельдом (Magnus Hirschfeld). В этой книге, переведенной и изданной на английском в 1938 году, Хиршфельд выступал против псевдонаучной точки зрения, согласно которой существует иерархия биологически различных «рас» (Miles 1993: 29). Современная лингвистическая «карьер» термина «расизм» началась в послевоенное время (Sondermann 1995: 47).

С 1945 года использование термина «раса» в немецкоязычных Германии и Австрии стало абсолютным табу для политиков, ученых и даже для широкой общественности. Во Франции выражение «relations de race» («отношения рас», *фр.*) также стало рассматриваться как расистское (Wieviorka 1994: 173). С другой стороны, термин «отношения рас» по-прежнему широко используется в Великобритании и США. В исследованиях расизма следует учитывать эти языковые различия. Неверные интерпретации могут привести к переводческим трудностям и даже к ошибкам в формировании различных аналитических категорий, используемых при изучении расизма (Wieviorka 1994: 173).

Определяя расизм

«Расизм» — стигматизирующее «бранное слово», и обвинение в политической борьбе сегодня активно используют, возможно, вследствие широты и расплывчатости его значения. Говорят о «генетическом», «культурном», «этноплеуралистском», «институциональном», «повседневном расизме», о «расизме верхов», «элитарном расизме», о «фоновом расизме», «старом» и «новом» (или «неорасизме»), о «позитивном расизме», «дифференциальном расизме». Из-за подобного инфляционного словоупотребления в настоящее время не существует общепринятой дефиниции термина. Мы рассмотрим только семь из существующих сегодня терминологических подходов к данному концепту. ...

Согласно Альберту Мемми (Memmi 1992: 103), «расизм» относится к обобщенной и абсолютной оценке реальных или вымышленных различий, которая выгодна «обвинителю» и неблагоприятна для его или ее жертвы. Используя негативное суждение, «обвинитель» желает утвердить и оправдать свое привилегированное положение или враждебное отношение к жертве ... Мемми предлагает узкое и широкое определение «расизма». Он использует термин «расизм» исключительно для обозначения такого типа дискриминационных суждений, которые включают в себя оценку реальных или мнимых биологических различий. В отличие от данного термина, вводимый им неологизм «гетерофобия» — по ана-

логии с «ксенофобией» — призван обозначать все «фобии» и агрессию, направленные на других людей и легитимируемые посредством различных психологических, культурных, социальных или метафизических аргументов (Memmi 1992: 121). По мнению Мемми, «расизм» в строгом смысле слова должен рассматриваться как особая разновидность «гетерофобии», как категория, более общая по отношению к «антисемитизму» или «юдофобии», «арабофобии», «боязни черных», «сексизму», «гомофобии», «фобии в отношении молодежи» или «в отношении людей с ограниченными возможностями». Сложно возражать против попытки Мемми найти «зонтичный» термин для всех форм идеологической и практической дискриминации. Однако при ближайшем рассмотрении буквального значения термина «гетерофобия» — и эта критика в равной мере относится к терминам типа «ксенофобия» — слишком неясно. Во-первых, в нем игнорируется активный и агрессивный аспект дискриминации, а, во-вторых, этот термин патологизирует расизм (и все другие формы дискриминации, входящие в определение «гетерофобии») так как предлагает осмысливать его через метафору расстройства здоровья («фобия»), что по существу преуменьшает значение расизма и, по крайней мере, имплицитно оправдывает расистов.

По словам Колетт Гийомен (Guillaumin 1991: 164; 1992) и Детлева Клауссена (Claussen 1994: 5), любой расизм является синкретизмом — идеологическим смешением различных псевдонаучных доктрин, стереотипных представлений, религиозных убеждений, — в результате которого устанавливается псевдокаузальная связь между фенотипическими, социальными, ментальными, символическими и воображаемыми характеристиками (анализ антисемитизма как синкретического феномена см.: Mitten 1992 и Mitten 1997). Гийомен ссылается на четыре типа свойств — морфофизиологические, социальные, символические и воображаемые — которые вместе характеризуют конструкт «расы». К сожалению, сама идея сопоставления этих свойств предполагает, по меньшей мере, их аналитическое разделение. Однако перечисленные четыре критерия нельзя отделить друг от друга, так как не бывает социального без символического. Более того, вымышленность может быть — и в отношении «расы» всегда была — элементом морфофизиологической, социальной и символической атрибуции.

Для Гийомен «расизм» одновременно обозначает:

- практическое поведение (на улице, на работе, в учреждениях и т.д.);
- политическую программу;
- правовую структуру (например, получение гражданства по «праву крови» (*jus sanguinis*));

- практическую перспективу государства (например, проекты «чистой расы» или политика апартеида).

Здесь можно заметить, что различие трех последних пунктов произвольно и сомнительно, потому что и правовая структура, и «перспектива государства» являются политическими делами и интересам.

Филомена Эссед (Essed 1991 и 1992) считает, что

расизм следует понимать как идеологию, структуру и процесс, в которых неравенства, присущие более широкой социальной структуре, в детерминистском ключе соотносятся с биологическими и культурными факторами, приписываемыми тем, кто считается иной «расой» или «этнической группой» (Essed 1991: 43).

Оставляя в стороне смешение «расизма» и «этнизма» в определении Эссед — что часто встречается в современных теориях о расизме — в нем имеет смысл заменить абстрактный и малопонятный «процесс» на термин «действие» или «практика». Эссед сама указывает на практическое измерение, когда объясняет выбор термина «процесс»: «Расизм является “процессом”, потому что структуры и идеологии не существуют вне ежедневной практики, посредством которой они создаются и подтверждаются. Подобные практики адаптируются к изменяющейся социальной, экономической и политической ситуации в обществе, и одновременно сами вносят вклад в изменение этой ситуации» (Essed 1991: 44).

Одним из наиболее интересных моментов в подходе Эссед является теоретическое обоснование «повседневного расизма». Концепция «повседневного расизма» по определению предполагает интеграцию макро- и микросоциологических измерений расизма (Essed 1991: 16). Подвергнув критике дихотомическое различие между «институциональным» и «индивидуальным расизмом» за то, что оно ошибочно выводит индивида за пределы институционального (несмотря на то, что «структуры расизма не являются внешними для агентов — их производят агенты — специфические практики являются по определению расистскими только тогда, когда они активизируют существующее структурное расовое неравенство в системе» (Essed 1991: 36)), Эссед объясняет свое понимание термина «повседневный»:

«повседневный» может быть предварительно определено как обобщенные смыслы, которые делают практики немедленно узнаваемыми и очевидными; следовательно, этими практиками, в принципе, можно управлять, опираясь на (суб)культурные нормы и ожи-

дания. Эти повседневные практики и смыслы относятся к хорошо знакомому нам миру и обычно подразумевают рутину или многократно повторяемые действия (Essed 1991: 48–9).

Основываясь на этом определении, она утверждает, что повседневный расизм можно охарактеризовать как интеграцию расизма в повседневные ситуации посредством практик (когнитивных и поведенческих), которые активизируют лежащие в его (расизма) основании властные отношения. Другими словами,

повседневный расизм можно определить как процесс, в котором а) обобщенные расистские представления интегрируются в смыслы, делающие практики моментально узнаваемыми и управляемыми, б) практики с расистским подтекстом становятся привычными и повторяющимися и в) базовые расовые и этнические отношения актуализируются и усиливаются посредством этой рутинности или привычных действий в повседневных ситуациях (Essed 1991: 52).

Роберт Майлз предлагает один из наиболее последовательных и радикальных подходов к понятию «расы». По его мнению, для того чтобы адекватно анализировать «расовые проблемы», необходимо отказаться от рассмотрения «расы» как вещи-в-себе, способной производить эффекты. Такой отказ необходим несмотря на то, что идея «расы» является частью повседневного здравого смысла:

Не существует «рас», следовательно, не существует «отношений рас». Существует лишь убежденность в том, что такие вещи существуют, убежденность, которую одни социальные группы используют для конструирования Другого (и, посредством этого, самих себя), что становится прелюдией к исключению и господству над ним, а другие социальные группы используют эту убежденность в процессе самоопределения (и тем самым в конструировании Другого), как средство противостояния такому исключению. Соответственно, если и использовать идею «расы», то только в контексте описания подобных случаев ее использования (Miles 1993: 42).

У Майлза анализ расизма выстраивается вокруг пяти ключевых концептов. Первое понятие, «расиализация», обозначает динамический и диалектический процесс категоризации и смыслообразования, в котором ре-

альным или мнимым физическим характеристикам приписываются специфические социальные значения (Miles 1992: 100–3 и Miles 1989: 74–7).

Во-вторых, во избежание семантического растяжения термина Майлз предлагает рассматривать «расизм» исключительно как идеологический и связанный с репрезентацией феномен, аналитически отличный от «*практики исключения*». Майлз считает, что понятие «практика исключения» должно относиться к конкретным преднамеренным действиям и непреднамеренным материальным последствиям, которые ставят людей в невыгодное положение и приводят к неравному (иерархическому) отношению к ним при распределении ресурсов и услуг. Майлз предлагает данное разграничение, чтобы избежать односторонних выводов, в которых дискриминационная практика объясняется одной идеологической причиной, а тот факт, что конкретная исключаящая практика может иметь множество причин и что расизм является лишь одним из множества поводов, не принимается в расчет.

В-третьих, «расизм» как идеология исключения и включения может быть как относительно связной, псевдологичной теорией, так и довольно бессвязным набором предвзятых клише, образов, определений и аргументов. В любом случае, расизм предполагает расиализацию, однако расиализация вовлеченных в ситуацию социальных групп не является достаточным условием для того, чтобы расценивать то или иное утверждение или действие как расистское. Чтобы можно было сделать вывод о расистском характере действия, должно присутствовать откровенно негативное суждение о группе, подвергнутой расиализации. В этом суждении унижающие характеристики, приписываемые сконструированной «расе», могут быть как биологическими, так и культурными.

Четвертым ключевым концептом в теории Майлза о расизме является «*институциональный расизм*» («*institutional racism*»). В работах Майлза содержатся разрозненные определения как расизма, сложившегося в обстоятельствах практики исключения, который развился из расистского дискурса, к настоящему времени скрытого (поскольку больше не воспринимается как приемлемый способ легитимизации практик исключения) или вытесненного новым дискурсом (что также является результатом табу). Сложно понять, почему «скрытость» следует рассматривать как необходимое условие для маркирования чего-либо как «институционального расизма». Например, в ситуации предоставления гражданства по принципу «права крови» «расистский дискурс» не скрыт, и этот аспект политической институционализации никоим образом не снимается тем фактом, что закон эксплицитно использует расистскую категоризацию людей по «крови».

С другой стороны, по нашему мнению, выражение «институциональный расизм» всегда нужно использовать осторожно и зачастую лучше

употреблять иное выражение — «институционализованный» («*institutionalized*») или «институционально поддерживаемый или одобряемый расизм». Потому что в этих фразах предполагается синтаксическое указание на акторов в виде пассивных вербальных процессов, в то время как выражение «институциональный расизм» просто присваивает «расизму» атрибут «институциональности» и не содержит никакого лингвистического намека на акторов (иную критику термина «институциональный расизм» см. у Krausneker (1999: 26 ff.), где предлагается заменить указанный термин «структурным расизмом» («*structural racism*»)). Поскольку фраза «институциональный расизм» предполагает обезличенную, абстрактную и зачастую метонимическую проекцию, возникает риск притеснения и анонимизации социальных акторов, ответственных за осуществление дискриминационной практики во имя тех или иных институтов или в качестве их представителей. На уровне введения в действие и исполнения законов или инструкций всегда существует необходимость в индивидах, которые действуют как часть института или организации и наделяются соответствующими полномочиями. С нормативно-этической точки зрения, которой мы руководствуемся, эти люди несут ответственность за свои действия, хотя не подлежат сомнению, что внутри института организационная дифференциация и разделение труда может вести к дроблению ответственности. Кроме того, тот или иной институт часто сам становится движущей силой в том смысле, что организационная структура и разделение труда поддерживают административные процедуры, которые только в сочетании приводят к систематической дискриминации на уровне индивидуальных действий, возможно, даже ненамеренной, членов института.

Пятым концептом Майлза является «*идеологическая артикуляция*». Он использует данную концепцию для того, чтобы прояснить, как идеологии — например, расизм, национализм, сексизм и этницизм — сопрягаются друг с другом, как они связаны и как они пересекаются (об идеологической взаимосвязи «расы» и «нации» см.: Miles 1993: 79).

Хронологическое разделение на «старый» и «новый расизм» было введено Мартином Баркером (Barker 1981) и подхвачено Пьером-Андре Тагиевым (Taguieff 1987), Этьеном Балибаром, Иммануилом Валлерстайном (Balibar and Wallerstein 1990 [1988] и Balibar 1991), Аннитой Кальпакой и Норой Ретцель (Kalpaka and Räthzel 1986). Майлз предпочитает хронологически нейтральное разделение (которое предложил Тагиев [Taguieff 1987]) на «неравноправный» (*inegalitarian*) и «дифференциальный расизм» (*differentialist racism*), «*хотя и признавая, что данное разделение не такое точное, как полагает его автор*» (Miles 1994: 199). Причина, по которой

Майлз отказывается говорить в терминах «старого» и «нового расизма», вполне понятна и лежит, с одной стороны, в неопределенности концепта «неорасизма», который определяется как расизм, основанный на акцентировании не физических, а культурных различий. С другой стороны, возникает вопрос: действительно ли такой расизм является чем-то фундаментально «новым» и действительно иным? Учитывая синкретическую природу расизма, который может быть описан в терминах «идеологической артикуляции», даже классический, псевдонаучный расизм XIX и XX веков всегда включал указания на культурный или национальный «характер» или «самобытность» (Rattansi 1994: 55).

Что касается «неравноправного» и «дифференциального расизма», то понятие «неравноправный расизм» призвано обозначать легитимацию господства, дискриминации и разделения, основанную на доктринах, открыто поддерживающих идеи генетического, биологического превосходства, в то время как «дифференциальный расизм» придает значение культурным различиям, в том числе образу жизни, привычкам, обычаям и нравам, и рисует угрожающую перспективу метизации и смешения культур и этнических групп. Последняя концепция более или менее синонимична «культурному расизму» (cultural racism), который лучше называть «культуралистским расизмом» (culturalist racism). Словосочетание «культурный расизм» представляется тавтологией, потому что любой расизм, несомненно, является культурным феноменом, а суффикс «-ист» в слове «культуралистский» более четко обозначает эксплицитную идеологическую ориентацию и отсылку к культуре. Казалось бы, «дифференциальный расизм» избегает прямой иерархизации. Однако наделение культур «других» народов более низким статусом всегда имплицитно подразумевает социальное, экономическое и политическое неравенство между представителями «своей» и «другой» культуры или культур. «*Этнокультуралистский расизм*», стремящийся легитимировать жесткую сегрегацию и дискриминацию утверждениями, что мультикультурализм угрожает «культурной и этнической чистоте» и приводит к «загрязнению», «дегенерации» и «упадку», можно определить как специфический тип культуралистского или дифференциального расизма. (Дискуссию об описанных здесь «двух логиках расизма» см.: Wiewiorka 1994: 182 ff.)

Что касается нашего собственного понимания расизма, то мы принимаем во внимание предостережение Майлза относительно поспешных допущений монокаузальной взаимосвязи между исключительной практикой и расистскими взглядами. Тем не менее, мы полагаем, что расизм является синкретической идеологией и одновременно дискриминационной социальной (и дискурсивной) практикой, которая может быть институ-

циализирована и поддержана господствующими социальными группами. Расизм основывается на иерархической конструкции групп лиц, которые описываются как связанные происхождением сообщества, которым приписываются особые групповые, естественные или биологически маркированные характеристики, считающиеся практически неизменными. Эти характеристики преимущественно соотносятся с биологическими признаками, внешним видом, культурными обычаями, нравами, традициями, языком или социально стигматизированными предками. Все они — явно или неявно, прямо или косвенно — оцениваются негативно, и такое осуждение полностью согласуется с господствующей точкой зрения. Будучи продуктом идеологического смешения, расизм комбинирует различные и иногда даже противоречащие друг другу доктрины, религиозные убеждения и стереотипы, в результате чего возникает практически стабильная псевдокаузальная связь между — возможно, мнимыми — биологическими (генетическими и фенотипическими) чертами, с одной стороны, и социальными, культурными и психическими характеристиками — с другой.

Как объяснить «расизм»

Разнообразные подходы, возникшие в контексте различных дисциплин, рассматривают материальные, экономические, социальные, политические, социопсихологические, когнитивные и другие причины и движущие силы расизма. Каждое из предлагаемых объяснений подталкивает к выбору тех или иных специфических антирасистских стратегий. Рассмотрим бегло девять наиболее значимых подходов (более подробный обзор см., например: Poliakov, Delacampagne and Girard 1992: 145–96, Bader 1995: 14–81, Zerger 1997: 99–164. Эти классификации и интерпретации, несомненно, повлияли на наши представленные ниже объяснения).

Социально-когнитивный подход сосредоточивается на социальной категоризации и стереотипировании, опирается на такие понятия, как «прототип», «схема», «стереотип» и «предметная классификация». Дискриминационные предубеждения представляются, прежде всего, проблемой социального восприятия. Некоторые исследователи, работающие в рамках социально-когнитивного подхода, например, Дэвид Хэмилтон и Тина Трольер (Hamilton and Trolier 1986), утверждают, что «*способы работы нашего мозга, способы обработки информации могут сами по себе обуславливать возникновение негативного образа той или иной группы. Они предлагают различные доказательства, но особое внимание уделяют результатам исследований по ложной корреляции*» (Wetherell and Potter

1992: 38). Концепции общества и социального окружения Хэмилтона и Трөлльера в целом статичны, антиисторичны и невосприимчивы к контексту. Они также полагают, что предвзятость восприятия и категоризации (свойственная всем людям) неизбежна и когнитивно «полезна». Делая подобные допущения, они рискуют приуменьшить значение или даже — по крайней мере, имплицитно — оправдать расизм как «стратегию выживания». Кроме того, авторы концепции не могут объяснить, почему одни люди в большей степени, чем другие, подвержены расистской идеологии и как следует рассматривать взаимосвязь между взглядами и действиями, — другими словами, почему одни люди превращают свои расистские предубеждения в реальное насилие и дискриминацию, а другие избегают физической агрессии.

Теория социальной идентичности (social identity theory) (Hogg and Abrahams 1988, Tajfel 1981, Tajfel and Turner 1985, Turner 1981, Turner 1985, Turner and Giles 1981, Turner et al. 1987) помещает концепции социальной идентичности и социальной категоризации в центр социопсихологической теории межгрупповых отношений. В отличие от вышеупомянутого подхода, данная теория признает значение социализации и группового опыта в развитии и построении социальных категорий. С точки зрения теории социальной идентификации, социальные структуры и отношения формируют индивидуальное восприятие, идентичность и действие. Предполагается, что категоризации являются необходимыми инструментами упрощения сложного социального мира. Индивидуальное восприятие формируется образцами, связанными с членством в одних и отсутствием членства в других группах. Автостереотипизация является базисным психологическим процессом внутри таких групповых феноменов, как социальная сплоченность, этноцентризм, кооперация, альтруизм и совместная деятельность. Социально обусловленные модели восприятия ориентированы на предпочтение членов собственной группы и принижение остальных. Представление о собственной группе более дифференцировано, чем образы других групп. Другие в целом характеризуются через «внутренние признаки» в гораздо большей степени, нежели собственная группа. Действия и поведение других групп редко объясняются через указание на внешние факторы коммуникативной ситуации и исторический, социальный, политический и экономический контекст. Скорее следует говорить о врожденных сущностных характеристиках. Расизм и этноцентризм при этом подходе рассматриваются по большей части как результат групповой принадлежности, проявляющийся на уровне межличностных отношений, как психологический эффект идентификации с определенной группой, конкурирующей с дру-

гими группами в экономической и социальной сферах. В соответствии с данной теорией, становление категорий «свои» и «чужие» следует из релятивистского «принципа метаконтраста»: с одной стороны, сходство членов одной группы преувеличивается, а сходство различных групп преуменьшается; с другой стороны, различия внутри группы нивелируются и воспринимаются как незначительные по сравнению с различиями между группами, которым придается чрезмерное значение. Сторонники теории социальной идентификации полагают, что люди, обладающие слабой индивидуальной идентичностью, неуверенные и испытывающие бессилие и одиночество, имеют тенденцию чрезвычайно высоко оценивать «свою» группу и крайне враждебно относиться к иным. Некоторые допущения о причинно-следственных связях, характерные для этой теории, слишком простые и редукционистские. Помимо того, что сторонники данной теории выдвигают упрощенческую гипотезу о связке «фрустрация-агрессия» и проводят поспешное обобщение результатов экспериментов, проведенных в небольших группах; они опираются на допущение о связи между опытом, мышлением и практикой, не пытаясь определить каждый элемент этой связки по отдельности. Подобно социально-когнитивному подходу — и здесь мы разделяем критику Маргарет Уэзерелл и Джонатана Поттера — теория социальной идентификации страдает «тенденцией к универсализации условий возникновения расизма и затяжным перцептуализмом» (Wetherell and Potter 1992: 47). Возможность использования этой теории в деле выработки антирасистских стратегий мы оцениваем пессимистически.

Несколько нативистских *психоаналитических теорий* (психоаналитические интерпретации расизма см. также: Loewenstein 1952, Poliakov, Delacampagne and Girard 1992: 175–82, Brainin, Ligeti and Teicher 1993 and Ottomeyer 1997: 111–31; психологические интерпретации см.: Mecheril and Thomas 1997) разделяют универсалистскую точку зрения двух вышеупомянутых подходов. Гордон Оллпорт справедливо критикует некоторые психоаналитические теории за свойственную им тенденцию приписывать всем людям одну и ту же зависимость от бессознательной агрессии и навязчивых идей, которая, бесспорно, характеризует внутренний мир невротиков и психотиков (Allport 1993: 10). Выдвигая идею «танатоса» — то есть врожденного подсознательного стремления к смерти, которое включает в себя инстинкт к уничтожению или агрессии к себе и другим, сторонники некоторых разновидностей психоанализа воспринимают агрессию, направленную на «другого», как естественную постоянную антропологическую характеристику, укорененную в биологии. Таким образом, они отказываются от политического потенциала, имею-

щегося у критического взгляда на общество, и от действий в направлении улучшения социальных условий, серьезно влияющих на внутренние психические конфликты, которые имеют отношение к расизму и этницизму (см.: Masson 1984 и особенно Jacoby 1983, где автор критикует политически самообезоруживающую и аутоиммунизирующую медикализацию и профессионализацию конформистского психоанализа). Чрезмерность биологического определения агрессии к «другим» была подвергнута критике в ранних работах Эриха Фромма (Fromm 1988 [1941]: 159 ff.). Фромм подчеркивал, что деструктивность совершенно не является неизменным элементом и не одинакова в жизни всех людей. Более того, Фромм полагал, что степень деструктивности во многом зависит от социальных условий и непрямо пропорциональна степени социального сдерживания развития индивида как цельной личности, которое подразумевает, в частности, разворачивание ее (личности) творческого потенциала, спонтанность и реализацию чувственных, эмоциональных и интеллектуальных потребностей и способностей: *«Деструктивность — это результат непрожитой жизни»* (Fromm 1988: 161).

Помимо «инстинкта агрессии» и «разрушения», центральными психоаналитическими понятиями, используемыми для анализа и изучения расистской, этницистской и шовинистической агрессии, являются: «проекция и рационализация», «агрессия против супер-эго», «садомазохизм», «нарциссизм», «проекция оральной жадности или алчности», «проекция ревности к младшим сестрам и братьям», «анальная агрессия и мания чистоты», «фаллическая угроза, зависть к сексуальной потенции и Эдипов комплекс» и «подавление гомосексуальности» (Ottomeyer 1997). Расизм так же, как и антисемитизм, рассматривается психоанализом в терминах конфликта между эго и супер-эго и конфликта между эго и подсознанием. Предполагается, что первый конфликт имеет место в «христианском антисемитизме» — христиане ненавидят евреев как носителей и представителей божественного закона, который является частью христианского супер-эго. Предполагается также, что пример конфликтов между эго и супер-эго можно обнаружить в послевоенном антисемитизме в Германии и Австрии, который постепенно развивается в «анти-супер-эго-антисемитизм». Под этим термином психоаналитики подразумевают антисемитизм, основывающийся на тенденциозной инверсии противопоставления «жертва» — «мучитель», которая направлена на упразднение ответственности за нацистские преступления под предлогом того, что бывшие притеснители подвергаются гонениям со стороны мстительных и жадных евреев, которые не намерены прощать и никогда не прекратят требовать финансового и символического «воз-

мещения» и «компенсаций». Антисемитская анти-супер-эго-агрессия в настоящее время направлена против всех тех, кто настаивает на необходимости помнить о расистских преступлениях нацизма и его жертвах и кто, таким образом, воспринимается как назойливая фигура родителя, стремящегося разрушить интерес к жизни. В настоящее время психоаналитики, исследующие расизм, полагают, что правые популисты последовательно разрушают или временно исключают супер-эго, стараясь убедительно рационализировать предрассудки относительно этнических меньшинств и иммигрантов, превращая их в козлов отпущения. Таким образом, агрессия более не сдерживается внутренним контролем.

Вторая форма внутренних психических конфликтов, относящихся к расизму и антисемитизму, а именно конфликты между эго и бессознательным, описывается путем соотнесения с тремя стадиями развития либидо, выделяемыми психоанализом. В контексте этих трех стадий, расизм, антисемитизм и этницизм, направленный против расиализированных и этнизированных групп, евреев и иностранцев, понимается как проекция нежелательной либидозности, агрессивного и нарциссического напряжения (Ottomeyer 1997: 120 ff.). Дискриминационные предрассудки, например, образы жадных евреев или представления об «иностранцах» и беженцах как об испорченных «социальных паразитах» и «экономических беженцах» (Wirtschaftsflüchtlinge), эксплуатирующих систему социального обеспечения, анализируются как проекция собственной оральной жадности и алчности субъекта, сочетающаяся с проекцией ревности субъекта к младшим сестрам и братьям. Уничижительные метафоры вроде «отбросы» и «сброд», страх перед «смешанными браками» и метафоры типа «этническая и расовая чистка», используемые в расистских, антисемитских и этницистских высказываниях, интерпретируются психоаналитиками в терминах анальной агрессии и мании порядка. Предрассудки в отношении «иностранцев» мужского пола, которые якобы склонны к сексуальным домогательствам, предрассудки в отношении «иностранцев», будто бы обладающих сексуальным преимуществом, более высокой фертильностью, более высоким уровнем рождаемости, переносащих СПИД и венерические заболевания, соотносятся в психоаналитических теориях с фантазиями о фаллической угрозе, с завистью к сексуальной потенции и Эдиповым комплексом. Наконец, сторонники психоаналитических подходов полагают, что амбивалентность и подавленные гомосексуальные желания также связаны с расизмом и антисемитизмом (см. ниже).

В отличие от нативистских вариантов психоаналитических подходов, которые имеют тенденцию к легитимации социального статус-кво, «кри-

тическая теория» (например, Adorno 1973 [1950], Adorno 1993, Adorno *et al.* 1950, Fromm 1988, Horkheimer 1992, Horkheimer and Flowerman 1949 f., Horkheimer *et al.* 1987, Fenichel 1993, Simmel 1993 [1946], Reich 1986[1933], и с некоторых пор Outlaw 1990), объединяющая неомарксизм, ангажированный психоанализ и социальную психологию, связывает экономические, политические и культурные структуры и социальную динамику с характером, сформированным, прежде всего, в процессе социализации. Таким образом, «критическая теория» не просто описывает расистские и, в особенности, антисемитские предрассудки, но, прежде всего, пытается объяснить их происхождение, чтобы пролить свет на проблему возникновения и общественной поддержки фашизма и антисемитизма, а также с целью помочь истребить авторитаризм и расистские предрассудки. Теодор Адорно (Adorno 1973 [1950]: 8) считает, что проникновение в характер является лучшей защитой от склонности приписывать людям устойчивые характеристики как «врожденные» или «расово обусловленные». Так как специфический характер — авторитарная личность — делает индивида восприимчивым к антидемократической пропаганде, представляется необходимым выявить социальные и экономические условия, при которых активно проявляется такая возможность.

Для того чтобы охарактеризовать авторитарную личность, в ранней «критической теории» и, в особенности, в работах Эриха Фромма используются психологические и психоаналитические понятия «садизм» и «мазохизм». Фромм (Fromm 1988: 181) убежден в том, что нацизм — не просто политическая проблема, которую следует осмысливать на фоне социально-экономических факторов. Он полагает, что тот факт, что идеи расистского нацизма могут овладеть целым народом, должен, помимо прочего, быть объяснен в терминах психологической мотивации и мотивов, которые включают в себя десексуализированные садомазохистские склонности, сформированные особым типом социализации. Авторитарные личности — индивиды, которые, с одной стороны, склонны к слепой покорности, а, с другой стороны, способны на дискриминационную, расистскую, антисемитскую и этническую агрессию, — могут рассматриваться как садомазохистские личности, которые с готовностью отдают себя во власть сильных и презирают слабых, так как одержимы жаждой господства супер-эго и стремятся бежать от неопределенности автономии, самоопределения и свободы решения к иррациональному авторитаризму и тоталитаризму, которые дают чувство защищенности и тесно связаны с деструктивностью и конформизмом.

Хоркхаймер и Адорно (Horkheimer and Adorno 1991 [1944]) анализируют антисемитизм из психологической перспективы — в качестве про-

екции на евреев социально табуированных эмоций, желаний и устремлений, а также с экономической точки зрения — как связанный с ее вуальированием и переключением внимания с капиталистических отношений эксплуатации на созданного козла отпущения. Они считают, что антисемитские предрассудки являются частью более широкой совокупности позиций, тесно связанных с характером личности (Zerger 1997: 122 ff.). Для Фромма, Адорно, Хоркхаймера, Эльзы Френкель-Брунстик, Дэниэла Левинсона, Роберта Сэнфорда, Герберта Маркузе и остальных ученых, совместно работавших над большим междисциплинарным исследовательским проектом по антисемитизму, результаты которого публиковались с 1949 года в нескольких томах под общим названием «Исследования предрассудков» («Studies in Prejudice»), наибольший интерес представляет потенциально фашистская личность. С помощью многочисленных серий стандартных вопросов исследователи стремятся понять взгляды и мнения людей об антисемитизме (А-S-шкала), этноцентризме (Е-шкала), политико-экономическом консерватизме (РЕС-шкала) и фашизме (F-шкала). Чтобы измерить склонность к фашизму, они рассматривают девять переменных (Adorno 1973: 45 и 71–5):

- конвенционализм (conventionalism)¹;
- авторитарное подчинение;
- авторитарная агрессия;
- антиинтрацепция (то есть неприятие всего субъективного, связанного с воображением и чувствительностью);
- суеверие и стереотипизация;
- силовое мышление и культ силы;
- деструктивность и цинизм;
- проективность (склонность к вере в нелепые и опасные мировые события);
- сексуальность (повышенный интерес к сексуальным «происшествиям»).

Исследователи подчеркивают, что отождествлять характер и поведение индивида невозможно. Характер скорее является потенциалом реакций, который определяет идеологические предпочтения и сильно зависит от социально-экономических и политических условий, а также общего интеллектуального климата в обществе. В своих ранних работах сторонники «критической теории» интерпретировали возникновение авторитарной личности в качестве садомазохистского разрешения Эдипова комплекса слабым эго, которое не способно по-другому

¹ Адорно подразумевает при этом привязанность к конвенциональным ценностям среднего слоя, консервативность на уровне оценок норм поведения и т.п. — *Примеч. ред.*

справиться с угасанием отеческой власти в позднем буржуазном обществе. Спорный тезис «критической теории» об отеческой власти буржуазии как о позитивной отправной точке в критике тоталитаризма подвергает сомнению Джессика Бенджамин (Benjamin 1982: 426 ff.) (см. Zerger 1997: 126 ff.).

Развивая «критическую теорию», Луисиус Аутлоу (Outlaw 1990: 72 ff.) предлагает теорию «расы», в которой оспаривает основанное на здравом смысле допущение, что «раса» является очевидной, систематизирующей и объяснительной концепцией. Аутлоу обращает внимание на социально-исторические конструктивистские измерения «расы» и указывает на опасность, особенно очевидную в США, принятия эссенциализирующей и объективизирующей концепции «расы» в качестве основного объекта диспута, в результате чего возникает поверхностное объяснение источника дискуссионных различий. Схожую критику высказывает Клауссен (Claussen 1994: 2), который недоволен тем, что в «публичном мире» (Weltöffentlichkeit) практически все насильственные социальные конфликты в США — например, уличные бои в Лос-Анджелесе в 1992 году — освещаются как «расовые бунты»: «Такие заголовки, по всей видимости, делают любой анализ излишним». Вместо подобных упрощенческих интерпретаций Аутлоу предлагает проекты освобождения, воспринявшие традиции критической мысли, которые могли бы помочь преодолеть расизм — и перейти к плюралистической социалистической демократии.

Понятие «колониальная парадигма», или «подход отношений рас» (Cox 1970, Szymanski 1985, Wallerstein 1979, Fox-Genovese 1992, Genovese 1995) было предложено Майлзом. Согласно этому подходу, расизм рассматривается в рамках классической марксистской традиции как следствие колониализма и империализма в контексте капитализма. Расизм анализируется в свете развития мировой экономической капиталистической системы. Одним из первых, кто стал применять данный подход, был Оливер Кокс (Cox 1970) (см. Miles 1993: 30 ff.). Он характеризует «отношения рас» как «поведение, развивающееся среди людей, которые осознают реальные или приписываемые биологические отличия друг друга» (Cox 1970: 320). Хотя Кокс утверждает, что «расы» являются социальными конструктами, он определяет их как отчетливые и неизменные общности, различающиеся цветом кожи. Как указывает Майлз (Miles 1991 и 1994), «колониальная парадигма», предполагая, что расизм был создан для легитимации колониальной эксплуатации, видит проблему расизма однобоко, из-за чего, в частности, в рамках этой парадигмы оказывается невозможно объяснить антисемитизм и негативную расиализацию дру-

гих «внутренних» меньшинств (например, «цыган») в Европе до и после Второй мировой войны.

«*Парадигма политэкономии миграций*» (Castles and Kosack 1972 и 1973, Nikolinos 1975, Lawrence 1982, Sivanandan 1982 и 1990, Miles 1993) анализирует процессы «расиализации» в капиталистических центрах в связи с миграцией, накоплением капитала и формированием классов. Отрицая социологическую парадигму «отношений рас», Стивен Кастлз и Годула Косак (Castles and Kosack 1972 и 1973) сосредоточиваются на феномене международной миграции, возникшем после 1945 года в ответ на неравное капиталистическое развитие в мировом масштабе. Они считают, что рабочие-мигранты

обладают специфической социально-экономической функцией во всех капиталистических странах, а именно в ходе периодической реорганизации производства заполняют неблагоприятные рабочие места, невостребованные коренным рабочим классом. Таким образом, слой рабочих иммигрантов конституирует «низший слой» рабочего класса, что ведет к его фрагментации (Miles 1993: 36).

Подобно сторонникам «подхода отношений рас» Кастлз и Косак не отказываются от «расы» как аналитической категории. «Они подчинили ее политэкономии трудовой миграции и классовых отношений: то есть они сохранили категорию “расы” чтобы отвергнуть ее объяснительный потенциал» (Miles 1993: 36).

Анализ Амбалаванера Сиванандана (Sivanandan 1982 and 1990) также страдает отсутствием какой бы то ни было критической оценки «расы» и «отношений рас» как аналитических категорий. Как и упомянутые выше авторы, он — по крайней мере, косвенно — представляет человечество как состоящее из набора биологических «рас». Кроме того, исследователи приписывают «расе» почти такой же реальный статус, которым обладает «социальный класс», и сводят расизм прежде всего к экономическим факторам.

Постмодернистские подходы и культурологическая перспектива — которая, в дополнение к неомарксистской ориентации, базируется, по крайней мере, частично, на постмодернизме (Center for Contemporary Cultural Studies 1982, Hall 1978, 1980, 1989, и 1994, Gilroy 1987, Rattansi and Westwood 1994, Rattansi 1994, Westwood 1994, Bhabha 1990, Said 1978 и 1993, Fanon 1986, Bauman 1989 и 1991), — анализирует, прежде всего, процессы культурного, идеологического и политического конструирования расизма. Сторонники этих подходов подчеркивают, что «этничности, на-

ционализмы и другие формы коллективной идентичности представляют собой результат процесса, который следует осмысливать как культурную политику репрезентации, где нарративы, образы, музыкальные формы и массовая культура в целом играют главную роль» (Rattansi 1994: 74; критику понятия «коллективная идентичность» см.: Berger and Luckman 1980: 185 и Wodak *et al.* 1998: 58; критику терминологической путаницы см. ниже). Отрицая западные «метанарративы», сконструированные вокруг таких «коллективных субъектов», как «нации», «расы», «этнические группы» и «классы», Али Раттанси и Сэлли Уэствуд (Rattansi and Westwood 1994: 2) отмечают, что концептуальный словарь «национализма», «расизма», «этницизма» и «классовой борьбы» больше не является основой эффективной классификации насильственных социальных антагонизмов и столкновений. По их мнению, эти концепции более не позволяют создавать убедительные, всеобъемлющие объяснительные конструкции, поскольку субъективности и идентификации становятся множественными и подвижными под влиянием «состояния постмодерна» (Lyotard 1984), характеризуемых постоянным раздроблением, децентрализацией, деэссенциализацией и реорганизацией традиций и «коллективных» идентичностей. Хотя постмодернисты не желают иметь дело с «метанарративами», они не до конца последовательны в своем отрицании «метанарративов» и крупных «коллективных субъектов». Например, Раттанси (Rattansi 1994) использует абстрактное и недифференцированное понятие «западные идентичности», которые представлены как абсолютно очевидные овеществленные сущности.

Соотнесение в той или иной форме расизма с эпохой модерна является довольно традиционной темой в исследованиях. Еще Хоркхаймер и Адорно (Horkheimer and Adorno 1991 [1944]) описывали нацистский антисемитизм как современное Просвещение с противоположным знаком. Они считали, что соответствующая инверсия тесно связана с мифами Просвещения, современным развитием инструментального мышления и капиталистической эксплуатации. В то же время исследователи стремились защитить модерн, рационализм и гуманистические идеи, выявляя некоторые неизбежные пагубные последствия. Мишель Вевьорка (Wieviorka 1991, 1994) также соотносит расизм с эпохой модерна. Он полагает, что нынешнее распространение расизма связано с текущей деструктуризацией индустриального общества, растущими проблемами государственных и общественных институтов и продолжающейся трансформацией национальных идентичностей (критику постиндустриальной модели Вевьорки см.: Miles 1994). Культурологические и постмодернистские подходы также объединяют расизм с модерном. В отличие

от сторонников «критической теории», которые полагают, что эпоха модерна является неоконченным проектом, от которого не следует отказываться (Nabergmas 1981 [1980]), постмодернисты с ней прощаются, и это выражено в самом термине «постмодернизм». Постмодернистские исследователи расизма интерпретируют геноцид коренных народов, рабовладение, империалистическое и эксплуатационное господство Запада, а также Холокост — все те явления и события, в которых существенную роль играли западные доктрины «расового» и культурного превосходства — как оборотную сторону западного модерна. Опираясь на постструктуралистский психоанализ (например, Жак Лакан, Юлия Кристева), они связывают расизм с сексуальностью, считая его одной из реакций в целом хрупкого, расщепленного, фрагментированного эго (Frosh 1987, 1989 и 1991) и подавленного гомосексуального желания, ведущей к раздвоению чувств и проекции нежелательных телесных переживаний на других — евреев, «черных» или выходцев из Азии (Fanon 1986: 163–78).

Воздерживаясь от четкого определения «расы» и «расизма», постмодернисты персонифицируют или овеществляют идею «расы» (Miles 1993 и 1994). В рамках данной теоретической модели происходит сомнительное овеществление и таких понятий, как «современность», «дискурс», «власть» и «культурная» или «коллективная идентичность». Кроме того, постмодернистский отказ от предоставления четкой терминологии иногда приводит к смешению «-измов» и идентичностей. Несмотря на то, что Раттанси (Rattansi 1994: 21) понимает данный аспект постмодернистского анализа, он лишь упоминает эту проблему.

Майлз предлагает парадигму «расизма после отношений рас» (Miles and Phisacklea 1979, Guillaumin 1991, Guillaumin 1992, Goldberg 1993 и Taguieff 1987) как альтернативную неомарксистскую теорию расизма. В его намерения не входит возрождение классической аргументации, в соответствии с которой расизм является «всего лишь» утилитарным изобретением буржуазии, призванным расколоть рабочий класс и легитимировать колониализм (Miles 1994: 204). Напротив, он находит объяснение расизма в «деорганизации капитализма», а именно в ряде противоречий «между универсализмом и гуманизмом, с одной стороны, и воспроизводством социального неравенства и эксплуатации — с другой» (Miles 1994: 207). Первое противоречие Майлз видит в конфликте между унифицирующими и уравнительными тенденциями, воплощенными во «всеобщей коммодификации» (Wallerstein 1990 [1988]), и потребностью капитализма в воспроизводстве социального неравенства. Здесь расизм выступает в роли идеологического посредника, который приписывает определенным социальным общностям неотъемлемые свойственные от природы

характеристики, тем самым узаконивая социальное неравенство и неравномерное развитие. Второе противоречие Майлз находит

между этими самыми унифицирующими тенденциями и реальностью расширяющегося культурного многообразия, которая коренится в разделении на части общественно-экономических формаций, внутри которых прежде (до развития капиталистического способа производства) осуществлялось социально организованное воспроизводство материальных благ и которые воспроизводились параллельно с развитием до тех пор, пока эти общественно-политические формации не были полностью интегрированы в мировую капиталистическую экономику (Miles 1994: 205).

Расизм делает возможным расиализацию социальных групп, сопротивляющихся капиталистическому «прогрессу», как примитивных и неполноценных. Третье противоречие, выделяемое Майлзом, существует между тенденциями к экономической глобализации и национализацией общественно-экономических формаций. Здесь имеется в виду частичное ограничение капиталистических производственных отношений в политическом устройстве национальных государств, где политические субъекты национализируются и расиализируются. Майлз отказывается использовать категорию «раса» как аналитическую, но при этом не подвергает сомнению аналитическую эффективность «традиционных» понятий «класс» и «классовые отношения», которые следовало бы подвергнуть концептуальной ревизии ввиду текущих социальных изменений (схожую критику см.: Wetherell and Potter 1992: 72). Так или иначе, Майлз (Miles 1994: 207) не предлагает целостного объяснения проявлений современного расизма в Европе. Он признает многоаспектность расизма, с чем мы полностью согласны.

Подходы, основанные на выделении одного фактора или причины, не позволяют адекватно понять сложность расизма. Расиализация пересекается с этническими, национальными, гендерными, классовыми и другими социальными конструктами и делениями, что делает крайне недальновидным взгляд на «расу» или «расиализацию» как на изолированный определяющий фактор социальных отношений. Для развития перспективных антирасистских стратегий необходим многоаспектный анализ, который позволит получить адекватные исторические реконструкции, установить актуальный диагноз и сделать предварительный прогноз ситуации. Среди множества других факторов многоаспектный анализ расизма должен учитывать смежные и частично совпадающие явления, например, ан-

тисемитизм, национализм и этницизм. Здесь мы не будем обсуждать запутанные взаимоотношения между этими дискриминационными идеологиями и практиками, а сошлемся на труды других авторов (дискуссию о проблеме антисемитизма см.: Aegerter 1996a и 1996b, Bergmann and Erb 1990, Bergmann, Erb and Lichtblau 1995, Geiss 1988, Mitten 1997, Mosse 1990, Pauley 1993, Poliakov 1979–89 и 1993, Spörk 1996: 23–30, Wippermann 1997, Wistrich 1996: 31–46 и Wodak *et al.* 1990; дискуссию о взаимосвязи между национализмом и расизмом см.: Balibar and Wallerstein 1990 [1988], Fischer and Wolfsingerseder 1995, Miles 1993, Silverman (1994) и Wiegel 1995; дискуссию о взаимосвязи этничностью/этницизмом и расизмом см.: Altermatt 1996, Bader 1995, Brumlik 1990: 179–90, Dittrich and Radtke 1990, Erikson 1993, Feagin 1990: 85–118, Heckmann 1991, Lentz 1995, Rex 1990: 141–54 и van Dijk *et al.* 1997). Несмотря на ценность указанных аналитических работ, они сосредоточиваются лишь на двух-трех «-измах», а для дальнейшего изучения расизма нам крайне необходимы тщательные и всеобъемлющие исследования, в которых делаются попытки как сравнения всех этих «-измов» в целом, так и сравнения их между собой. ...

Четыре дискурсивно-аналитических подхода к расизму

Предрассудки и стереотипы

Ута Квастхофф (Quasthoff 1973, 1978, 1980, 1987, 1989, 1998) была одним из первых дискурс-аналитиков, которые пытались изучать и классифицировать дискурс предрассудков. Ее первая крупная работа, посвященная исследованию социальных предрассудков (Quasthoff 1973), не выходит — за некоторым исключением — за пределы анализа на уровне предложений, но открывает новые горизонты исследований. Квастхофф различает «установки», «убеждения» и «предрассудки». «Установки» она определяет как эмоциональное отношение к лицу, с которым человек связан и в отношении которого может выражать неприязнь или симпатию. «Убеждения» приписывают качества другим и зачастую обеспечивают рационализацию негативных установок (например, «черные плохо пахнут»). «Предрассудки» — это психические состояния, определяемые (в норме) как негативные установки (эмоциональный элемент) по отношению к социальным группам в сочетании со стереотипными убеждениями и мнениями (о понятиях «социальные» и «лингвистические предрассудки» см. также: Heinemann 1998).

Переводя на язык лингвистики, Квастхофф определяет термин «*стереотип*» как вербальное выражение определенного убеждения или мнения в отношении социальной группы или индивида как члена данной социальной группы. Стереотип является типичным элементом общеизвестных знаний, широко распространенных в той или иной культуре (Quasthoff 1987: 786, Quasthoff 1978). Стереотипы принимают форму суждения, которое приписывает или отрицает — в крайне упрощенной, обобщенной и эмоционально предвзятой манере — специфические качества или модели поведения определенной категории людей (Quasthoff 1973: 28).

Чтобы объяснить функцию социальных предрассудков, Квастхофф рассматривает несколько психологических подходов, которые, с одной стороны, описывают предрассудки как неотъемлемую часть авторитарных систем (внутренние психические функции стереотипов) (Adorno *et al.* 1950, Mitscherlich and Mitscherlich 1977), а, с другой стороны, поддерживают объяснения, базирующиеся на теории «козла отпущения» (социальные функции стереотипов). Квастхофф также подчеркивает, что облечение предрассудков в форму стереотипов принимает в обществе вид унифицирующей и сплачивающей фатической коммуникации. Кроме того, она справедливо полагает, что социальные предрассудки также выполняют когнитивно-лингвистическую ориентирующую функцию. Такая функция упрощает общение индивида внутри собственной группы, упрочивает чувство принадлежности и устанавливают очертания иных групп. Это особенно актуально в периоды внутренних противостояний и во времена быстрых социальных изменений. Что касается изменчивости стереотипов, то результаты исследований Квастхофф указывают на то, что специфические (частые, относительно тесные и постоянные) формы личного контакта с представителями иной группы могут положительно влиять на установки и мнения относительно этой группы.

Исследования Квастхофф охватывают все виды социальных предрассудков и стереотипов, не только расистские и националистические. На основе семантического и формально-логического критериев Квастхофф (Quasthoff 1973) выделяет — в соответствии со степенью прямо-ты — четыре типа стереотипных выражений.

- Основной формой стереотипов являются «аналитические» суждения, претендующие на выражение истины. Все стереотипы восходят к данной структуре. Некое качество или модель поведения приписывается группе. Группа является субъектом, а качество или модель поведения — предикатом. Стереотип данной категории принимает форму утверж-

дения. С точки зрения логики, он является обобщением, которое может быть формализовано через использование универсального квантификатора как особого «аналитического суждения» (например, «Немцы — трудолюбивый и работающий народ»), который предполагает, что предикат, приписываемый субъекту, является со стороны субъекта умышленным и неотъемлемой, врожденной и свойственной группе характеристикой.

- Модифицированные (ограниченные) утверждения характеризуются ограниченной силой или, строго говоря, ограниченной возможностью фиксации говорящим или пишущим собственных проекций. Такое ограничение устанавливается через использование определенных средств, таких как, например, сослагательное или вопросительное наклонение или же безличные конструкции с глаголами говорения (*verba dicendi*) или глаголами ощущения (*verba sentiendi*) в поверхностной структуре высказываний (например, «Говорят, что цыгане имеют репутацию воров»; «Считается, что турок не интересуется приличное жилье»). Семантический уровень подобных утверждений не позволяет понять, транслирует говорящий лишь господствующее предвзятое мнение или же сам с ним соглашается.

- Открыто высказываемыми стереотипами являются выражения, в которых говорящий прямо ссылается на себя, используя личные конструкции, которые состоят из дейктического выражения «я» и глагола веры (*verbum putandi*) или глагола мышления (*verbum cogitandi*) (например, «Я не думаю, что американцы вообще могут сравниться с нами по глубине знаний»).

- В случае «текстуально-лингвистического типа» стереотипы выражаются неявно (например, «Он еврей, но он очень хороший»), а предвзятые мнения (то, что «евреи обычно нехорошие») являются исходными допущениями или подразумеваются. Интерпретация «текстуально-лингвистических» стереотипов базируется на знании контекста и превосходит уровень предложений. К данной интерпретации подталкивает использование особых частей речи (например, противительного союза «но» в приведенном выше примере).

Четыре категории Квастхофф охватывают широкий ряд языковых выражений и оттенков значений. Так как эти четыре типа отражают различные степени прямо-ты, их появление в значительной мере зависит от ситуации и обстановки. В связи с нормами толерантности, стереотипные выражения второго и четвертого типов встречаются наиболее часто.

Согласно Квастхофф (Quasthoff 1973), предложения являются лингвистическими единицами, лучше всего поддающимися ее способу анализа. Однако Квастхофф сама указывает, что

определяющее качество заключается в том, что грамматической единицей лингвистического описания стереотипов является предложение, но это не означает, что стереотипы, с эмпирической точки зрения, должны принимать форму законченных предложений. Речь идет лишь о том, что семантической единицей стереотипа является пропозиция, то есть референт и предикат, в отличие от определенных форм референта как такового (Quasthoff 1987: 786 и 1989: 183).

Категоризация, проводящаяся на основе структуры предложений, которые выражают наиболее очевидные предрассудки, может лишь частично передать скрытые смыслы, аллюзии, косвенные стратегии, туманные формулировки, подтексты и формы аргументации — все они могут простираться за пределы одного предложения и характеризовать тексты или устный дискурс, связанный с предрассудками и расизмом. На деле, четвертый тип стереотипных выражений, выделяемый Квастхофф, уже превосходит уровень одного предложения. Кроме того, с 1973 года сама Квастхофф начала исследовать роль стереотипов в самых различных формах дискурса — среди других типов повседневных аргументации (Quasthoff 1978, 1998) и нарративов (Quasthoff 1980), — таким образом расширяя собственный лингвистический горизонт в отношении социальных предрассудков. Когда, например, Квастхофф стала использовать концепцию схематизма Стивена Тулмина (Toulmin 1969) применительно к микроструктурному уровню аргументации, она пришла к выводу, что стереотипы не выступают исключительно или даже в первую очередь в качестве оснований. Если они используются для подкрепления требования, то они обычно выступают в его поддержку (Quasthoff 1978: 27). Более того, стереотипы сами по себе могут быть сведениями или утверждениями, подкрепляемыми, в свою очередь, другими типами пропозиций.

Социокогнитивный дискурсно-аналитический подход (Тойн ван Дейк)

Тойн ван Дейк нечетко разделяет этницизм, расизм и смежные формы дискриминации (дискуссию об этих понятиях см. в: van Dijk *et al.* 1997), так как считает, что они являются размытыми, частично совпадающими концепциями. Используемая ван Дейком модель предрассудков отчасти основана на социопсихологических теориях, схожих с теориями Квастхофф. Согласно ван Дейку, предрассудки являются не просто

характеристикой мнений или эмоций индивида в отношении социальных групп, но разделенной формой социальной репрезентации, распространенной среди членов группы, приобретенной ими в процессе социализации, трансформируемой и утверждаемой через социальную коммуникацию и взаимодействие. Подобные этнические установки обладают социальными функциями — например, защиты интересов собственной группы. Эти функции отражают их когнитивные структуры и стратегии использования (van Dijk 1984: 13).

В то время как Квастхофф, как правило, подчеркивает, что социальными функциями предрассудков является определение дистанции по отношению к иной группе и установление принципов солидарности внутри своей группы, ван Дейк сосредоточивается на «рационализации и оправдании дискриминационных действий направленных на группы меньшинств» (van Dijk 1984: 13). Он обозначает семь категорий, используемых для рационализации предрассудков по отношению к меньшинствам, как семь «Д» дискриминации («the 7 D's of Discrimination»). К ним относятся: доминирование (dominance), дифференциация (differentiation), дистанция (distance), диффузия (diffusion), отклонение (diversion), деперсонализация (depersonalisation), или разрушение (destruction), и повседневная дискриминация (daily discrimination). Все эти стратегии разными способами способствуют легитимации и реализации отличия от «других»: например, посредством господства над группами меньшинств, исключения их из общественной деятельности или даже их уничтожения (van Dijk 1984: 40).

Одним из самых ценных вкладов ван Дейка в разработку дискурсно-аналитической теории расистского дискурса является предложенная им эвристическая модель, позволяющая связать порождение предрассудков с дискурсивными единицами, превышающими размер одного предложения. Изначально исследователь предполагал, что те компоненты долгосрочной памяти, которые напрямую связаны с продуцированием и сохранением этнических предрассудков (узнавание, категоризация и накопление опыта), можно разделить на три основные структуры — семантическую память, эпизодическую память и систему контроля.

По ван Дейку, *семантическая память* — это социальная память: именно здесь хранятся коллективные убеждения общества. Эти убеждения организованы в установки, которые собраны в групповые схемы, составляющие когнитивную основу обработки нами данных о членах иных групп. На наше восприятие индивидуального опыта влияют когнитивные репрезентации, приспособленные к уже существующим моделям. Сами эти модели мы усваиваем в ходе социализации. Установки, сохраненные в групповых схемах, имеют обобщенную, абстрактную природу и детерминированы их

систематизацией в социально значимых категориях оцениваемой группы. По мнению ван Дейка, происхождение и/или внешний вид, социально-экономический статус, социокультурные нормы и ценности, включая религию и язык, являются определяющими категориями для этнических предрассудков (здесь ван Дейк также не различает расистские, националистические и этницистские убеждения; см. Mitten and Wodak 1993: 193 ff.). В высказываниях подобные установки предстают как общепринятые суждения, оторванные от контекста (например, «Евреи — хорошие бизнесмены»).

Кроме того, продолжает ван Дейк, *эпизодическая память* сохраняет личные или сообщенные переживания или происшествия, а также образцы, извлеченные из этих переживаний. Слушатель конструирует текстуальную репрезентацию истории в эпизодической памяти. Эта репрезентация в случае необходимости позволяет слушателю воспроизвести то, что он услышал, и каким образом это было сказано. Слушатель создает модель истории (ситуационная модель), более богатую, чем дискурс о ней. Эта модель включает в себя также предыдущий опыт в отношении таких же или сходных ситуаций и содержит в себе обработанную информацию из общих групповых схем (van Dijk 1984: 25). Общие ситуационные модели являются связующим звеном между рассказанными событиями или сохраненными личными переживаниями и структурами семантической памяти. Следовательно (здесь мы по-прежнему ссылаемся на вышеприведенный пример), одна неудачная сделка с еврейским торговцем становится ситуационной моделью, в соответствии с которой «ведение дел» с евреями всегда будет иметь негативные последствия.

В своей новой контекстной модели ван Дейк (van Dijk 1998a) отличает специфические *модели событий* и *модели контекста*. По его мнению, оба типа моделей являются индивидуальными и не разделяются членами группы. Соответственно, ван Дейк концептуализирует третью структуру долгосрочной памяти — систему контроля — как персональную модель социальной ситуации. Задача системы контроля заключается в соединении коммуникативных целей и интересов (например, убедить собеседника) с ситуационными и индивидуальными социальными условиями (например, уровень образования, пол и отношение к собеседнику/собеседнице). Те процессы, которые вовлечены в восприятие, интерпретацию, хранение, использование или извлечение этнической информации о группах меньшинств и их действиях, Ван Дейк называет «стратегиями». Система контроля сочетает различные стратегии и в то же время отслеживает движение информации из долгосрочной памяти в краткосрочную и контролирует сохранение или активацию ситуационных моделей в эпизодической памяти.

Одной из основных стратегий системы контроля является связь позитивной самопрезентации — то есть принятой в обществе и указывающей на соблюдение норм толерантности — и существующих негативных установок в отношении иностранцев. Позитивная самопрезентация выражается во фразах вроде «Сам я ничего не имею против евреев, но соседи говорят...» Таким образом, взаимосвязь этих трех систем памяти как прямо, так и косвенно влияет на происходящее в краткосрочной памяти кодирование и декодирование получаемых и/или самостоятельно производимых наблюдений, касающихся меньшинств. Соответственно модель ван Дейка позволяет объяснить когнитивные процессы реципиентов текста: изолированные переживания, утверждения и символы закреплены в общих схемах и подтверждают существующие предрассудки.

Ван Дейк (Van Dijk 1984 и 1991) анализирует предубежденные высказывания, полученные в разное время в ходе интервью с различными группами людей в Амстердаме и в США. Зачастую эти высказывания вводятся с помощью оговорок, опровергающих ожидаемые возражения, и позволяющих говорящему создать позитивную самопрезентацию: *мнимое отрицание* («Я ничего не имею против черных/турок/евреев, но...»), *мнимое допущение* («Конечно, есть и умные черные/турки/евреи, но...»), *перенос* («Вообще мне все равно, но вот мои соседи/коллеги...») и *контраст* («Мы всегда должны были много работать, а они...»). В этих случаях интервьюируемые представляют себя совершенно толерантными людьми, которые соответствуют явным и неявным нормам официальной политики и морали в Нидерландах и США. Отрицательный опыт, связанный с одним человеком или определенной группой, вводится в дискриминационный дискурс в качестве иллюстрации и рассматривается как очевидное эмпирическое свидетельство, говорящее о характере дискредитируемой группы в целом. В результате тщательного анализа историй ван Дейку удается показать, что в них используется нарративная схема, изложенная Уильямом Лабовым и Джошуа Валецки (Labov and Waletzky 1967), с тем лишь исключением, что в историях о мигрантах зачастую отсутствует развязка. Следовательно, слушатели должны сделать собственные выводы. Такая «открытость» очередной раз признает официальные нормы и освобождает авторов высказываний от какой-либо ответственности. Говорящие не предлагают никаких мер, они просто рассказывают историю. Подобные нарративы группируются вокруг очень небольшого и определенного количества тем. Иммигранты угрожают населению, они криминальны, а их культурные традиции чужеродны.

Несмотря на то, что модель ван Дейка, возможно, может объяснять более широкий спектр дискурсивных проявлений предрассудков, чем мо-

дель Квастхофф, подчас складывается впечатление, что этот подробно разработанный когнитивный подход не уделяет достаточного внимания анализу эмоциональных и социально-исторических аспектов дискурса предрассудков, которые могут влиять на схематическую категоризацию и восприятие «реальности». Понять предрассудки можно, только рассмотрев их в соответствующем психологическом, социальном, историческом и лингвистическом контексте, и, видимо, в этом смысле модель ван Дейка могла бы быть более дифференцированной. Тем не менее, ван Дейк существенно углубился в суть предвзятых мнений.

Ван Дейк (van Dijk 1991, 1993, 1998a, 1998b) занимается анализом «элитарного расизма» и интеграцией в социокогнитивную модель понятия «идеологии». В этой модели он аналитически различает социальное познание, дискурс и общество (последнее включает социальные структуры, культуру, политику и историю). Исследователь сосредоточивается главным образом на изучении передовых статей в газетах, школьных учебников, научного дискурса, интервью с управленцами, политических речей и парламентских дебатов, опираясь на базовое предположение, состоящее в том, что «элиты» производят и воспроизводят расизм, который затем внедряется и реализуется в других общественных сферах. Мы совершенно согласны с тем, что «элиты» играют важную роль в процессе производства и воспроизводства расизма. Однако мы предпочитаем говорить о более многофакторных, менее однопричинных, менее иерархических отношениях взаимовлияния между «элитами» и другими социальными группами и слоями в том или ином обществе.

Дискурсивные нити и коллективные символы

Зигфрид и Маргарет Йегер и ученые Дуйсбургской группы, вероятно, являются наиболее выдающимися немецкими исследователями, занимающимися вопросами расизма и дискурса (S. Jäger 1992 и 1993, M. Jäger 1996a, S. Jäger and M. Jäger 1992, S. Jäger and Januschek 1992, S. Jäger and Link 1993, Kalpaka and Rhätzel 1986, Link 1990 и 1992). Толчком к их работе стал рост количества насильственных расистских актов после 1992 года, когда в Германии были приняты новые, более жесткие иммиграционные законы. В то же время объединение Западной Германии и бывшей коммунистической Восточной Германии породило расистское насилие в отношении многих иностранцев – начались физические нападения на иностранцев и поджоги домов беженцев. Помимо иных причин, это насилие было и остается обусловленным тем, что в результате объединения у немцев возникли серьезные культурные и экономические пробле-

мы, а иностранцы стали удобными козлами отпущения за эти проблемы (например, за то, что после объединения миллионы людей потеряли работу). Дуйсбургская группа не только интенсивно занималась исследованием и мониторингом расизма и враждебности по отношению к иностранцам, но и активно предлагала стратегии борьбы с этими проявлениями (например, см.: M. Jäger, Cleve, Ruth and S. Jäger 1998: 167–236; Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung 1999).

Во многих отношениях группа продолжает и развивает исследовательские идеи ван Дейка. Методология их исследований включает в себя проведение интервью с различными группами людей для выяснения их отношения к «иностранцам» и «евреям». В отличие от стандартных методов проведения интервью, такой метод побуждает людей подробно рассказывать истории из собственной жизни. Помимо изучения повседневного расизма, Дуйсбургская группа также проводит анализ средств массовой информации, в частности, немецкого таблоида «Бильд», который устраивает масштабные кампании против «иностранцев», а также консервативной ежедневной газеты «Франкфуртер Альгемайне», региональных ежедневных газет «Франкфуртер Рундschau», «Вестдойче Альгемайне» и «Рейнише пост», а также социал-либерального еженедельника «Шпигель». Главным объектом исследовательского внимания во всех этих газетах стали материалы криминальной хроники. Результаты анализа (M. Jäger, Cleve, Ruth and S. Jäger 1998) показывают, что в большинстве газет существует тенденция придавать индивидуальный характер преступлениям, совершенным (предположительно) немецкими злоумышленниками, и описывать в категориях принадлежности к группе правонарушения, совершенные (предположительно) иностранцами. Более того, во всех газетах, кроме «Шпигеля», в половине случаев указывается национальная или этническая принадлежность «иностранных злоумышленников».

Маргарет Йегер использует ту же теоретическую и методологическую систему взглядов, что и Зигфрид Йегер. Одним из ее основных исследовательских интересов является взаимоотношение между «культурным расизмом» или этницизмом и дискурсом о гендерном (не)равноправии. В своем анализе 15 интервью с семью немецкими женщинами и восемью немецкими мужчинами она показывает, что сексизм и расизм (или этницизм) тесно переплетаются, особенно в дискурсе о турецких мужчинах и женщинах, в котором на первый взгляд демократическая и зачастую вполне рациональная критика мусульманского патриархата ведет к «этнизации сексизма», то есть к такому видению ситуации, которое конструирует и выделяет женоненавистническое и сексистское поведение как этническое свойство (M. Jäger 1996a: 10). Делая вид, что их волнуют во-

просы подавления женщин и равноправия полов, женщины и мужчины, которых интервьюировали в рамках исследовательского проекта Йегер, прибегали к предрассудкам вроде «иностранцы типа турок слишком отличаются от нас в культурном и религиозном плане», «мужчины-иностранцы склонны к сексуальным домогательствам», «мужчины-иностранцы — женоненавистники, сексисты и патриархальные деспотичные притеснители, которые презирают женщин» и «иностранки — интеллектуально незрелые и отсталые, охотно соглашаются с притеснением (что визуализируется ношением головных платков) и с эксплуатацией со стороны мужчин». Эти негативные предрассудки в отношении «других» предполагают целый набор позитивных («мы-лучше-чем-они») предрассудков по отношению к «собственной» группе, включая такие как «мы — демократичные, просвещенные, не патриархальные, не сексистские, корректные в наших сексуальных контактах и мы все имеем равные права». Маргарет Йегер приходит к выводу, что этим расистским и этницистским обобщениям и усреднению можно — по крайней мере, отчасти — противодействовать с помощью четкого анализа взаимоналожения дискурса об эмансипации женщин и дискурса об иммигрантах и «иностранцах», указывая на губительный расистский и этницистский потенциал ложных обобщений, свойственных обоим дискурсам.

Исследования Дуйсбургской группы сосредоточиваются в основном на семантике, в особенности на раскрытии «коллективных символов», которые сплетены в «дискурсивные нити». Последние можно объяснить как тематически взаимосвязанные последовательности однородных «дискурсивных фрагментов» (текстов или частей текстов, рассматривающих специфические темы, например, тему «иностранцев» (S. Jäger 1993: 181)), которые возникают на различных «дискурсивных уровнях» (например, наука, политика, СМИ, образование, повседневная жизнь, бизнес или управление). «Коллективные символы» — это «культурные стереотипы» в форме метафорических и синекдохальных символов, которые беспрепятственно распознаются членами одного языкового сообщества (Link 1982, 1988, 1990 и 1992). Вода, природные бедствия, такие как лавины и наводнения, военные действия вроде вторжений, позволяющие убедительно изобразить иммиграцию или иммигрантов как нечто, перед чем нужно «поставить заслон», — примеры таких коллективных символов. Точно так же метафора «корабля» символизирует последствия иммиграции в выражении «переполненный корабль», метафора «дома-и-двери» символизирует собственную («национальную») территорию группы как дом или здание, а метафора «дверного засова» — остановку миграции.

Кроме того, вышеупомянутый «платок» играет роль коллективного символа, который открыт для ряда интерпретаций, в том числе как символа сексистского подавления мусульманок, как символа согласия угнетаемых с угнетением со стороны мужчин и, в целом, как символа культурного и религиозного отличия мусульман.

Дуйсбургская группа также анализирует производство «Другого», сосредоточиваясь на местоименной системе, коннотациях определенных существительных, глаголов и прилагательных, стилистических особенностях, грамматическом времени, наклонении, модальности, особых синтаксических средствах и структурах, стратегиях аргументации — на всем, что используется для презентации себя и других посредством дискурса (S. Jäger 1993).

Результаты исследований Дуйсбургской группы поражают и беспокоят: латентный и открытый расизм в Германии демонстрирует рост, а «интердискурс» (синхронная совокупность общих интердискурсивных элементов вроде коллективных символов, которые усваиваются в ходе социализации) насыщен расистскими высказываниями и аллюзиями. По-видимому, антисемитизм был вытеснен расизмом в отношении турок, проживающих в Германии. Некоторые расистские стереотипы, которые раньше касались евреев, теперь используются против «иностранцев», и в особенности против турок. Это не значит, что в Германии нет антисемитизма (Stern 1991, Bergmann and Erb 1991, Bergmann, Erb and Lichtblau 1995). В публичном дискурсе антисемитизм в значительной степени скрыт под маской инверсии филосемитизма.

В качестве теоретического основания своей работы дуйсбургские исследователи используют теорию власти и дискурса Мишеля Фуко и некоторые элементы социокогнитивной модели ван Дейка (см. выше). В отличие от теорий ван Дейка и по аналогии с дискурсивно-историческим подходом они интегрируют в анализ дискурса изучение социального, политического и исторического контекста и предлагают тщательно разработанный метод изучения дискурса на макро- и микроуровне (S. Jäger 1993, M. Jäger 1996a, Titscher, Wodak, Meyer and Vetter 1998). Дуйсбургские ученые — сторонники широкой концепции «расизма», под которым понимается исключение других на основе определенных биологических или культурных характеристик. Предполагается, что властная группа использует коллективные символы для стигматизации, маргинализации и вытеснения групп меньшинств. В рамках анализа Дуйсбургской группы расизм связан с властью и гегемонией. Исключающие высказывания не маркируются в нем как расистские, если они исходят от групп, которые не находятся у власти (M. Jäger 1996a: 15, см. также: Mitten and Wodak 1993). Их понимание «расизма» опирается на подходы Майлза (Miles 1992 [1989]),

Ани Мойленбельт (Meulenbelt 1993), Стюарта Холла (Hall 1989 и 1994) и Кальпаки и Ретцель (Kalpaka and Rätzzel 1986):

Таким образом, мы всегда считаем нечто расизмом, если люди, которые выглядят иначе, придерживаются иных обычаев и традиций и/или говорят на иных языках — в целом рассматриваемые как отличные от большинства населения — оцениваются негативно, и если, помимо прочего, эти негативные суждения согласуются с дискурсом, господствующим в том или ином обществе (M. Jäger 1996b: 35).

В рамках этой парадигмы «дискурс» определяется как социальное, а не индивидуальное поведение: «Я понимаю дискурс как институционализированное речевое поведение, которое обуславливает действия и обладает властью. Этот дискурс также реален, он конституирует реальность» (Link 1983: 60). Соответственно, дискурс не описывает действие: он сам является действием. Таким образом, анализ дискурса следует понимать как анализ общества, направленный на распутывание сети всего дискурса общества путем вытягивания отдельных дискурсивных нитей на особых дискурсивных уровнях (S. Jäger 1993: 184). «Интердискурс» — в котором осаждаются культура и традиции общества в определенный момент времени — противопоставлен (научным) «специализированным дискурсам» и, как отмечалось выше, концептуализирован как системы коллективных символов, связанных друг с другом посредством определенных «разрывов в образах» (катахрезы). Наибольшее значение для этого типа анализа имеют противоречия, возникающие вследствие столкновения различных систем коллективных символов (S. Jäger 1993: 157 ff.). Хотя каждый текст рассматривается как «дискурсивный фрагмент», который может быть частью «интердискурса», в одном тексте могут содержаться и несколько «дискурсивных фрагментов». Такое наблюдается в том случае, когда в тексте присутствуют ссылки на разные, четко разделяемые темы.

Исследователи Дуйсбургской группы анализируют свои материалы, главным образом используя качественные методы. Они утверждают, что скрупулезное, дифференцированное изучение дискурсивных фрагментов позволяет проникнуть в суть интердискурса, поэтому потребность в использовании количественных методов анализа возникает лишь в некоторых случаях. Тщательный анализ определенного расистского дискурсивного фрагмента, относящегося к отдельной дискурсивной нити на особом дискурсивном уровне, может служить иллюстрацией всего расистского дискурса в Германии.

Можно получить интересные результаты, если применить данную форму анализа к другим ситуациям и осуществить межкультурные сравнения, ко-

торые могли бы объяснить общее и различное в природе, истории и проявлениях расизма даже в соседних с Германией странах, схожих с ней культурно.

Группа Лафборо

Социальные психологи Маргарет Уэзерелл и Джонатан Поттер (Wetherell and Potter 1992) критикуют социокогнитивные подходы за то, что те отдают абсолютный приоритет когнитивному аспекту анализа расизма и склонны к универсализации факторов расизма (см. часть «Как объяснить “расизм”», а также Potter and Wetherell 1987). Они также отвергают теорию социальной идентичности и социально-когнитивный подход за их «затяжной перцептуализм» (Wetherell and Potter 1992: 47). С конструктивистской точки зрения, Уэзерелл и Поттер считают, что установки и стереотипы не просто опосредованы процессом познания, но дискурс активно включен в социальные и психологические процессы и, следовательно, в расистские предрассудки. Подобно Майклу Биллигу (Billig 1978, 1985, 1988) с соавторами (Billig et al. 1988), Уэзерелл и Поттер (Wetherell and Potter 1992: 59) утверждают, что расизм необходимо рассматривать как последовательности идеологических воздействий с гибким, подвижным и изменчивым содержанием. Следовательно, расистский дискурс следует рассматривать не как статичный и однородный, но как динамичный и противоречивый. Даже один и тот же человек может озвучивать противоположные мнения и идеологические фрагменты в течение одного и того же дискурсивного события. Соответственно, Уэзерелл и Поттер принимают идею Биллига об «идеологических дилеммах». Кроме того, они отвергают понятие неизменной идентичности (см. также Wodak et al. 1998 о динамической концептуализации «идентичности»). Как и в предыдущих разделах, здесь мы можем лишь в общих чертах осветить некоторые важные аспекты работы группы Лафборо в свете других подходов к анализу дискриминационного дискурса.

Уэзерелл и Поттер (Wetherell and Potter 1992: 70) поддерживают и принимают концепции «политики репрезентации» и «гибкости дефиниций»², выдвинутые такими теоретиками, как Холл (Hall 1989 и 1994). На их теоретические построения повлияли некоторые тезисы и замечания Фуко о дискурсе, власти и истине, а также представления теоретиков неомарксизма, но Уэзерелл и Поттер и подвергают критике подходы Роберта Майлза и «кри-

² Необходимое пояснение: речь идет о концепции, согласно которой определения понятий в социальных науках являются не поиском «объективной истины», а частью социальной борьбы. — Примеч. ред.

тической теории» (см. выше) за «детерминизм» (Wetherell and Potter 1992: 18 ff.) и за традиционный марксистский подход, согласно которому «идеология» рассматривается как «ложное сознание» (Wetherell and Potter 1992: 69). Данная критика, на наш взгляд, является обоснованной лишь отчасти.

Подобно исследователям Дуйсбургской группы и теоретикам, разрабатывающим дискурсивно-исторический подход, ученые группы Лафборо подчеркивают зависимость расистского дискурса от контекста. Они анализируют интервью с жителями Новой Зеландии с социопсихологического, этнографического и постструктуралистского ракурса, применяют развернутый метод исследования дискурса и пытаются прояснить динамику расистских идеологий, обращая внимание на параметры контекста. К тому же они выявляют идеологические вопросы, а также явные и латентные модели аргументации (Wetherell and Potter 1992: 178 ff. и 208 ff.).

Оба исследователя видят свою задачу в «картографировании языка расизма» (mapping) в Новой Зеландии и в составлении «расистской топографии» путем нанесения на карту тем и идеологий, выделенных в процессе изучения разнородной и многослойной ткани расистских практик и репрезентаций, составляющей часть господствующей, самой собой разумеющейся логики новозеландского общества. То, что считается очевидным и в целом бесспорным, определяет культуру и общество: на фоне очевидного члены того или иного общества устанавливают, какие политические действия будут считаться легитимными, что будет считаться всего лишь «созданием сложностей», что понимается под социальным прогрессом, что служит ему помехой, что такое расизм и как ему можно наиболее эффективно противостоять.

Уэзерелл и Поттер утверждают, что расизм встроен в дискурсивные модели обозначения и репрезентации. Следовательно, его изучение должно включать анализ дискурса. В то же время, они заявляют:

Мы не хотим сказать, что расизм — это лишь вопросом языковой практики. Исследования расизма должны также сосредотачиваться на институциональных практиках, дискриминационных действиях, социальных структурах и социальных противоречиях. Но все эти исследования переплетаются с изучением дискурса. Мы делаем упор на том, каким образом общество выражает расизм и как формы дискурса учреждают, закрепляют, изменяют, создают и воспроизводят общественно-экономические формации (Wetherell and Potter 1992: 3).

В Новой Зеландии история расизма в основном соотносится с историей колонизации (Wetherell and Potter 1992: 22). Большинство маори ста-

ли представителями рабочего класса. Расистская идеология является средством, с помощью которого правящий класс укрепляет и воспроизводит свое превосходство. Чтобы добиться этого, правящий класс представляет свои частные и групповые интересы в качестве универсальных интересов всего общества. С другой стороны, «опыт расизма может создать сплоченную, эффективную и даже мощную политическую платформу, на которой маори, если иметь в виду случай Новой Зеландии, признает некоторые значимые общие интересы, несмотря на различия, существующие между членами сообщества в положении в экономической иерархии» (Wetherell and Potter 1992: 73).

Уэзерелл и Поттер полагают, что идеология искажает функции государства в процессе формирования условий капиталистического производства. Со своей неомарксистской, или постмарксистской, точки зрения, они отказываются от классического предположения о причинно-следственной связи между экономическим базисом и надстройкой. Социальная детерминация осмысливается не в категориях причины и следствия, а через определение границ и влияние системы идей, обеспечивающих в конкретном социальном контексте утверждение определенного хода мысли как более убедительного и распространенного, чем в ином социальном контексте (Wetherell and Potter 1992: 26). Уэзерелл и Поттер утверждают также, что многие исследователи-когнитивисты считают «реальность» и «идеологию» отделенными от дискурса, воспринятого индивидуально и социально. В рамках анализа социального познания, указывают они, получатель информации часто оказывается одиноким индивидуумом, который формирует — по-видимому, в изоляции — собственное представление о «расовых» признаках на основе реальных сходств и отличий между людьми, с которыми он или она встречается.

Социально-когнитивная модель процесса репрезентации сталкивает самодостаточного индивидуума со сложностями реального окружения. Уэзерелл и Поттер полагают (и это, вероятно, действительно, так), что теория познания страдает от отсутствия социальной теории. Тем не менее, некоторые исследователи, работающие в рамках этой теории — например, ван Дейк — подчеркивают, что они работают с «групповым познанием», а не с индивидами.

Сходство группы Лафборо и Дуйсбургской группы не исчерпывается постструктуралистской ориентацией и акцентом на зависимости от контекста. Концепция «интердискурса», выработанная Дуйсбургской школой, находит свое отражение, по крайней мере частично, в концепции «пояснительного репертуара» группы Лафборо. Под этим понимаются четко различимые совокупности терминов, описаний и фигур речи, зачастую группирующихся вокруг метафор или ярких образов. В структуралистских терминах мы можем говорить о них как о системах значений и как о строи-

тельных блоках, используемых для производства в речи версий событий, личности и социальных структур. Они представляют собой ресурсы, позволяющие оценивать, конструировать основанные на фактах версии событий и выполнять определенные действия (Wetherell and Potter 1992: 90).

Однако в своих конкретных исследованиях ученые из группы Лафборо сосредоточиваются, главным образом, на нарративах и аргументации и не придают особенного значения метафорам и символам, как это делают Юрген Линк, Зигфрид и Маргарет Йегер и их коллеги.

Другая параллель между двумя подходами заключается в том, что они оба критикуют понятия «личность» и «субъект». Однако если Дуйсбургская группа иногда идет на риск овеществления концепции дискурса, открывая, таким образом, путь к релятивизму и детерминизму, то Уэзерелл и Поттер, не будучи, впрочем, полностью защищены от релятивизма, открыто предостерегают от понимания самого по себе дискурса как мощного порождающего фактора (интересно скорее воздействие одного (абстрактного) дискурса на другой (абстрактный) дискурс) или как суждения или «утверждения», беспрепятственно и автоматически производящие объекты и субъекты (Wetherell and Potter 1992: 90).

Однако здесь мы не можем удовлетворительно рассмотреть проблему деятельности и вопрос диалектики между индивидуальными действиями и «общественно-экономическими формациями». Эти вопросы должны рассматриваться в будущих исследованиях дискурса и расизма.

Литература

Adorno T. W. (1973 [1950]) Studien zum autoritären Charakter, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Adorno T. W. (1993) 'Antisemitismus und faschistische Propaganda', in: E. Simmel (ed.) Antisemitismus, Frankfurt am Main: Fischer, pp. 148–61.

Adorno T. W., Fränkel-Brunswik E., Levinson D. J. and Stanford P. N. (1950) The Authoritarian Personality, New York: The American Jewish Committee. Aegerter R. (1996a) 'Antisemitismus: Geschichte und Gegenwart einer hartnäckigen Feindschaft', in: R. Aegerter and I. Nezel (eds) Sachbuch Rassismus. Informationen über Erscheinungsformen der Ausgrenzung, Zürich: Pestalozzianum-Verlag, pp. 131–62.

Aegerter R. (1996b) 'Die "Auschwitz-Lüge"', in: R. Aegerter and I. Nezel (eds) Sachbuch Rassismus. Informationen über Erscheinungsformen der Ausgrenzung, Zürich: Pestalozzianum-Verlag, pp. 163–78.

Allport G. W. (1993) 'Vorwort', in: E. Simmel (ed.) Antisemitismus, Frankfurt am Main: Fischer, pp. 9–11.

Altermatt U. (1996) Das Fanal von Sarajevo: Ethnonationalismus in Europa, Paderborn/Munich/Vienna/Zurich: Schöningh.

Bader V.-M. (1995) Rassismus, Ethnizität, Bürgerschaft: Soziologische und philosophische Überlegungen, Münster: Westfälisches Dampfboot.

Balibar E. (1991) '“Es gibt keinen Staat in Europa”': Racism and politics in Europe today', New Left Review, No. 186, pp. 5–19.

Balibar E. and Wallerstein I. (1990)[1988] Rasse, Klasse, Nation. Ambivalente Identitäten, Hamburg, Berlin: Argument-Verlag.

Barker M. (1981) The New Racism, London: Junction Books.

Bauman Z. (1989) Modernity and the Holocaust, Cambridge: Polity Press.

Bauman Z. (1991) Modernity and Ambivalence, Cambridge: Polity Press.

Benjamin J. (1982) 'Die Antinomien des patriarchalischen Denkens: Kritische Theorie und Psychoanalyse', in: W. Bonß and A. Honneth (eds) Sozialforschung als Kritik: Zum sozialwissenschaftlichen Potential der Kritischen Theorie, Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 426–55.

Berger P. and Luckman T. (1980) Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit: Eine Theorie der Wissenssoziologie, Frankfurt am Main: Fischer.

Bergmann W. and Erb R. (eds) (1991) Antisemitismus in der Bundesrepublik Deutschland. Ergebnisse der empirischen Forschung von 1946–1989, Opladen: Leske + Budrich.

Bergmann W., Erb R. and Lichtblau A. (eds) (1995) Schwieriges Erbe: Der Umgang mit Nationalsozialismus und Antisemitismus in Österreich, der DDR und der Bundesrepublik Deutschland, Frankfurt am Main: Campus.

Bhabha H. K. (ed.) (1990) Nation and Narration, London: Routledge.

Billig M. (1978) Fascists: A Social Psychological Analysis of the National Front, London: Academic Press.

Billig M. (1985) 'Prejudice, categorisation and particularisation: From a perceptual to a rhetorical approach', European Journal of Social Psychology, Vol. 15, pp. 79–103.

Billig M. (1988) 'The notion of "prejudice": Some rhetorical and ideological aspects', Text, Vol. 8, pp. 91–111.

Billig M., Condor S., Edwards D., Gane M., Middleton D. and Radley, A. (1988) Ideological Dilemmas: A Social Psychology of Everyday Thinking, London: Sage.

Brainin E., Ligeti V. and Teicher S. (1993) Vom Gedanken zur Tat: Zur Psychoanalyse des Antisemitismus, Frankfurt am Main: Brandes and Apsel.

Brumlik M. (1990) 'Die Entwicklung der Begriffe "Rasse", "Kultur" und "Ethnizität" im sozialwissenschaftlichen Diskurs', in: E. J. Dittich and

F.-O. Radtke (eds) *Ethnizität: Wissenschaft und Minderheiten*, Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 179–90.

Castles S. and Kosack G. (1972) 'The function of labour immigration in Western European capitalism', *New Left Review*, Vol. 73, pp. 3–21.

Castles S. and Kosack G. (1973) *Immigrant Workers and Class Structure in Western Europe*, London: Oxford University Press.

Centre for Contemporary Cultural Studies (ed.) (1982) *The Empire Strikes Back: Race and Racism in 70s Britain*, London: Hutchinson/Centre for Contemporary Cultural Studies.

Claussen D. (1994) *Was heißt Rassismus?*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Conze W. and Sommer A. (1984) 'Rasse', in: O. Brunner, W. Conze and R. Koselleck (eds) *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, Stuttgart: Klett-Cotta. Vol. 5: Pro-Soz, pp. 135–77.

Cox O. C. (1970) *Caste, Class and Race*, New York: Monthly Review Press.

Dittrich E. J. and Radtke F.-O. (eds) (1990) *Ethnizität: Wissenschaft und Minderheiten*, Opladen: Westdeutscher Verlag.

Duden (1989a) *Deutsches Universalwörterbuch A-Z*, 2nd edition, Mannheim, Vienna, Zurich: Duden.

Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung (eds) (1999) *Medien und Straftaten. Vorschläge zur Vermeidung diskriminierender Berichterstattung über Einwanderer und Flüchtlinge*, Duisburg: DISS.

Eriksen T. H. (1993) *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*, London: Pluto Press.

Essed P. (1991) *Understanding Everyday Racism: An Interdisciplinary Theory*, London: Sage.

Essed P. (1992) 'Multikulturalismus und kultureller Rassismus in den Niederlanden', in: Institut für Migration und Rassismusforschung e.V. (ed.) *Rassismus und Migration in Europa: Beiträge des Kongresses 'Migration und Rassismus in Europa'* Hamburg, 26. bis 30. September 1990, Hamburg and Berlin: Argument, pp. 373–87.

Fanon F. (1986) *Black Skin, White Masks*, London: Pluto Press.

Feagin J. R. (1990) 'Theorien der rassistischen und ethnischen Beziehungen in den Vereinigten Staaten: Eine kritische und vergleichende Analyse', in: E. J. Dittrich and F.-O. Radtke (eds) *Ethnizität: Wissenschaft und Minderheiten*, Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 85–118.

Fenichel O. (1993) 'Elemente einer psychoanalytischen Theorie des Antisemitismus', in: E. Simmel (ed.) *Antisemitismus*, Frankfurt am Main: Fischer, pp. 35–57.

Fischer G. and Wölflingseder M. (1995) *Biologismus – Rassismus – Nationalismus: Rechte Ideologien im Vormarsch*, Vienna: Promedia.

Fleischer W. and Barz I. (1992) *Wortbildung der Deutschen Gegenwartssprache*, Tübingen: Niemeyer.

Fox-Genovese E. (1992) *Within the Plantation Household: Black and White Women of the Old South*, Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.

Fromm E. (1988)[1941] *Die Furcht vor der Freiheit*, Frankfurt am Main: Ullstein. [English: *Escape from Freedom*.]

Frosh S. (1987) *The Politics of Psychoanalysis*, London: Macmillan.

Frosh S. (1989) 'Psychoanalysis and racism', in B. Richards (ed.) *Crisis of the Self*, London: Free Association Books.

Frosh S. (1991) *Identity Crisis: Modernity, Psychoanalysis and the Self*, London: Macmillan.

Geiss I. (1988) *Geschichte des Rassismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Genovese, E. D. (1995) *The Southern Front: History and Politics in the Cultural War*, Columbia, MO: University of Missouri Press.

Gilroy P. (1987) 'There Ain't No Black in the Union Jack': *The Cultural Politics of Race and Nation*, London: Hutchinson.

Goldberg D. T. (1993) *Racist Culture: Philosophy and the Politics of Meaning*, Oxford: Blackwell.

Guillaumin C. (1991) 'RASSE: Das Wort und die Vorstellung', in: U. Bielefeld (ed.) *Das Eigene und das Fremde: Neuer Rassismus in der Alten Welt*, Hamburg: Junius, pp. 159–73.

Guillaumin C. (1992) 'Zur Bedeutung des Begriffs "Rasse"', in: Institut für Migration und Rassismusforschung e.V. (ed.) *Rassismus und Migration in Europa: Beiträge des Kongresses 'Migration und Rassismus in Europa'* Hamburg, 26. bis 30. September 1990, Hamburg and Berlin: Argument, pp. 77–87.

Habermas J. (1981[1980]) 'Die Moderne – ein unvollendetes Projekt', in: Habermas, J. *Kleine politische Schriften I–IV*, Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 444–64.

Hall S. (1978) 'Racism and Reaction', in: Commission for Racial Equality (ed.) *Five Views of Multi-Racial Britain*, London: Commission for Racial Equality, pp. 22–35.

Hall S. (1980) 'Race, Articulation and Societies Structured in Dominance', in: UNESCO (ed.) *Sociological Theories: Race and Colonialism*, Paris: UNESCO, pp. 305–45.

Hall S. (1989) 'Rassismus als ideologischer Diskurs', *Das Argument*, Vol. 178, pp. 913–21.

Hall S. (1994) *Rassismus und kulturelle Identität: Ausgewählte Schriften 2*, Hamburg: Argument.

Hamilton D. and Trolie T. (1986) 'Stereotypes and stereotyping. An overview of the cognitive approach', in: J. F. Dovidio and S. L. Gaertner (eds) *Prejudice, Discrimination, and Racism*, Orlando, FL: Academic Press, pp. 127–63.

Heckmann F. (1991) 'Ethnos, Demos und Nation, oder: Woher stammt die Intoleranz des Nationalstaats gegenüber ethnischen Minderheiten?', in: U. Bielefeld (ed.) *Das Eigene und das Fremde: Neuer Rassismus in der Alten Welt?*, Hamburg: Junius, pp. 51–78.

Heinemann M. (ed.) (1998) *Sprachliche und soziale Stereotype*, Frankfurt am Main: Lang.

Hogg M. A. and Abrahams D. (1988) *Social Identification*, London: Routledge.

Horkheimer M. (1992) *Traditionelle und Kritische Theorie: Fünf Aufsätze*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Horkheimer M. and Adorno T. W. 1991[1944] *Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente*, Frankfurt am Main: Fischer.

Horkheimer M., Fromm E., Marcuse H., Mayer H., Wittfogel K. A. and Honigsheim P. (1987) *Studien über Autorität und Familie: Forschungsberichte aus dem Institut für Sozialforschung*, Frankfurt am Main: Klampen.

Horkheimer M. and Flowerman S. H. (eds) (1949 f.) *Studies in Prejudice*, New York: The American Jewish Committee.

Il Nuovo Dizionario di Garzanti (1984) Milano: Garzanti.

Jacoby R. (1983) *Die Verdrängung der Psychoanalyse oder Der Triumph des Konformismus*, Frankfurt am Main: Fischer.

Jacquard A. (1996) 'Ein unwissenschaftlicher Begriff', in: *Unesco-Kurier*, Nr. 3, pp. 18–21.

Jäger M. (1996a) *Fatale Effekte: Die Kritik am Patriarchat im Einwanderungsdiskurs*, Duisburg: DISS.

Jäger M. (1996b) 'Rassismus im Alltagsdiskurs', in: M. Jäger and F. Wichert (eds) *Rassismus und Biopolitik. Werkstattberichte. DISS-Forschungsbericht 1996*, Duisburg: DISS, pp. 34–45.

Jäger M., Cleve, G., Ruth, I. and Jäger, S. (1998) *Von Deutschen Einzeltätern und ausländischen Banden: Medien und Straftaten. Mit Vorschlägen zur Vermeidung diskriminierender Berichterstattung*, Duisburg: DISS.

Jäger S. (1992) *BrandSätze: Rassismus im Alltag*, Duisburg: DISS.

Jäger S. (1993) *Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung*, Duisburg: DISS.

Jäger S. and Jäger, M. (eds) (1992) *Aus der Mitte der Gesellschaft (I–IV): Zu den Ursachen von Rechtsextremismus und Rassismus in Europa*, Duisburg: DISS.

Jäger S. and Januschek, F. (eds) (1992) *Der Diskurs des Rassismus: Ergebnisse des DISS-Kolloquiums November 1991*, Osnabrück: Redaktion Obst (OBST 46).

Jäger S. and Link J. (eds) (1993) *Die vierte Gewalt. Rassismus in den Medien*, Duisburg: DISS.

Kalpaka A. and Rätznel N. (eds) (1986) *Die Schwierigkeit, nicht rassistisch zu sein*, Berlin: Express Edition.

Krausneker V. (1999) *Rassismus in Österreich? Rassismus in Österreich! Analyse und theoretische Einbettung der Diskriminierungen aus dem Rassismusbericht 1998/99 von Helping Hands*, Vienna: unpublished report.

Labov W. and Waletzky J. (1967) 'Narrative analysis. Oral versions of personal experience', in: J. Helm (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Art*, Seattle: University of Washington Press, pp.12–44.

Lawrence E. (1982) 'Just plain common sense: The "Roots" of racism', in: CCCS (eds) *The Empire Strikes Back: Race and Racism in '70s Britain*, London: Hutchinson/Centre for Contemporary Cultural Studies, pp. 47–94.

Lentz A. (1995) *Ethnizität und Macht: Ethnische Differenzierung als Struktur und Prozeß sozialer Schließung im Kapitalismus*, Köln: Papy Rossa Verlag.

Link J. (1982) 'Kollektivsymbolik und Mediendiskurse', *kultuRRevolution*, No. 1, pp. 6–21.

Link J. (1983) 'Was ist und was bringt Diskurstaktik', *kultuRRevolution*, No. 2, pp. 60–6.

Link J. (1988) 'Über Kollektivsymbolik im politischen Diskurs und ihren Anteil an totalitären Tendenzen', *kultuRRevolution*, Vol. 17/18, pp. 47–53.

Link J. (1990) *Schönhuber in der Nationalelf: Halbrechts, Rechtsaußen oder im Abseits? Die politische Kollektivsymbolik der Bundesrepublik und der Durchbruch der neorassistischen Schönhuberpartei*, Duisburg: DISS.

Link J. (1992) 'Die Analyse der symbolischen Komponenten realer Ereignisse. Ein Beitrag der Diskurstheorie zur Analyse neorassistischer Äußerungen', in: S. Jäger and F. Januschek (eds) *Der Diskurs des Rassismus: Ergebnisse des DISS-Kolloquiums November 1991*, Osnabrück: Redaktion Obst (OBST 46), pp. 37–52.

Loewenstein R. M. (1952) *Psychoanalyse des Antisemitismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Lyotard J.-F. (1984) *The Postmodern Condition: A Report of Knowledge*, Manchester: Manchester University Press.

Masson J. M. (1984) *The Assault on Truth: Freud's Suppression of the Seduction Theory*, New York: Farrar, Strauss and Giroux.

Mecheril P. and Thomas T. (eds) (1997) *Psychologie und Rassismus*, Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt.

Memmi A. (1992) *Rassismus*, Hamburg: Europäische Verlagsanstalt.

Meulenbelt A. (1993[1986]) *Scheidelinien: Über Sexismus, Rassismus und Klassismus*, Hamburg: Rowohlt.

Miles R. (1982) *Racism and Migrant Labour: A Critical Text*, London: Routledge and Kegan Paul.

Miles R. (1991) 'Die Idee der "Rasse" und Theorien über Rassismus: Überlegungen zur britischen Diskussion', in: U. Bielefeld (ed.) *Das Eigene und das Fremde: Neuer Rassismus in der alten Welt*, Hamburg: Junius, pp. 189–218.

Miles R. (1992) *Rassismus: Einführung in die Geschichte und Theorie eines Begriffs*, Hamburg and Berlin: Argument [English: Miles, R. (1989) *Racism*, London: Routledge.]

Miles R. (1993) *Racism after 'Race Relations'*, London: Routledge.

Miles R. (1994) 'Explaining racism in contemporary Europe', in: A. Rattansi and S. Westwood (eds) *Racism, Modernity and Identity: On the Western Front*, Cambridge: Polity Press, pp. 189–221.

Miles R. and Phizacklea A. (eds) (1979) *Racism and Political Action in Britain*, London: Routledge and Kegan Paul.

Mitscherlich A. and Mitscherlich M. (1977) *Die Unfähigkeit zu trauern*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Mitten R. (1992) *The Politics of Antisemitic Prejudice: The Waldheim Phenomenon in Austria*, Boulder, CO: Westview Press.

Mitten R. (1997) 'Das antisemitische Vermächtnis: Zur Geschichte antisemitischer Vorurteile in Österreich', in: R. Mitten *Zur 'Judenfrage' im Nachkriegsösterreich: Die Last der Vergangenheit und die Aktualisierung der Erinnerung*, Projektbericht: BMWV, pp. 77–165.

Mitten R. and Wodak, R. (1993) 'On the discourse of racism and prejudice', *Folia Linguistica: Acta Societatis Linguisticae Europaeae*. Tomus XXVII / 3–4: Special Issue, *Discourse Analysis and Racist Talk*, pp. 191–215.

Mosse L. G. (1990) *Die Geschichte des Rassismus in Europa*, Frankfurt am Main: Fischer.

Nikolinakos M. (1975) 'Notes towards a general theory of migration in late capitalism', *Capital and Class*, Vol. 17/1, pp. 5–18.

Nipperdey T. and Rürup R. (1972) 'Antisemitismus', in: O. Brunner, W. Conze and R. Koselleck (eds) *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*, Stuttgart: Klett-Cotta, pp. 129–53.

Ottomeyer K. (1997) 'Psychoanalytische Erklärungsansätze zum Rassismus: Möglichkeiten und Grenzen', in: P. Mecheril and T. Thomas (eds) *Psychologie und Rassismus*, Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, pp. 111–31.

Outlaw L. (1990) 'Toward a Critical Theory of "Race"', in: T. D. Goldberg (ed.) *Anatomy of Racism*, Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 58–82.

Pauley B. F. (1993) *Eine Geschichte des österreichischen Antisemitismus: Von der Ausgrenzung zur Auslöschung*, Vienna: Kremayr and Scheriau.

Poliakov L. (1979–89) *Geschichte des Antisemitismus*. Band 1–8, Worms/Frankfurt am Main: Heintz/Jüdischer Verlag Athenäum.

Poliakov L. (1993) *Der arische Mythos: Zu den Quellen von Rassismus und Nationalismus*, Hamburg: Junius.

Poliakov L., Delacampagne, C. and Girard, P. (1992)[1976] *Rassismus: Über Fremdenfeindlichkeit und Rassenwahn*, Hamburg: Luchterhand.

Potter J. and Wetherell M. (1987) *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour*, London: Sage.

Quasthoff U. (1973) *Soziales Vorurteil und Kommunikation: Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps*, Frankfurt am Main: Athenäum.

Quasthoff U. (1978) 'The uses of stereotype in everyday argument', *Journal of Pragmatics*, Vol. 2/1, pp. 1–48.

Quasthoff U. (1980) *Erzählen in Gesprächen: Linguistische Untersuchungen zu Strukturen und Funktionen am Beispiel einer Kommunikationsform des Alltags*, Tübingen: Narr.

Quasthoff U. (1987) 'Linguistic prejudice/stereotypes', in: U. Ammon, N. Dittmar and K. Mattheier (eds) *Sociolinguistics/Soziolinguistik: An International Handbook of the Science of Language and Society/Ein Internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft*. First Volume/Erster Halbband, Berlin/New York: de Gruyter, pp. 785–99.

Quasthoff U. (1989) 'Social prejudice as a resource of power: Towards the functional ambivalence of stereotypes', in: R. Wodak (ed.) *Language, Power, and Ideology*, Amsterdam: Benjamins.

Quasthoff U. (1998) 'Stereotype in Alltagsargumentationen. Ein Beitrag zur Dynamisierung der Stereotypenforschung', in: Heinemann, M. (ed.), *Sprachliche und soziale Stereotype*, Frankfurt am Main: Lang, pp. 47–72.

Rattansi A. (1994) '“Western” racism, ethnicities and identities in a “postmodern” frame', in: A. Rattansi and S. Westwood (eds) *Racism, Modernity and Identity: On the Western Front*, Cambridge: Polity Press, pp. 15–86.

Rattansi A. and Westwood S. (eds) (1994) *Racism, Modernity and Identity: On the Western Front*, Cambridge: Polity Press.

Reich W. (1986)[1933] *Die Massenpsychologie des Faschismus*, Cologne: Kiepenheuer und Witsch.

Rex J. (1990) '“Rasse” und “Ethnizität” als sozialwissenschaftliche Konzepte', in: E. J. Ditttrich and F.-O. Radtke (eds) *Ethnizität: Wissenschaft und Minderheiten*, Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 141–53.

Römer R. (1989)[1985] *Sprachwissenschaft und Rassenideologie in Deutschland*, Munich: Fink.

Said E. W. (1978) *Orientalism*, Harmondsworth: Penguin.

Said E. W. (1993) *Culture and Imperialism*, New York: Knopf.

Silverman M. (1994) *Rassismus und Nation: Einwanderung und die Krise des Nationalstaats in Frankreich*, Hamburg: Argument.

Simmel E. (ed.) (1993) *Antisemitismus*, Frankfurt am Main: Fischer. [English: Simmel, E. (1946) *Anti-Semitism: A Social Disease*, New York, Boston: International Universities Press.]

- Sivanandan A. (1982) *A Different Hunger. Writings on Black Resistance*, London: Pluto Press.
- Sivanandan A. (1990) *Communities of Resistance: Writings on Black Struggles for Socialism*, London: Verso.
- Sondermann K. (1995) *O Deutschland! Oi Suomi! Vielgeliebtes Österreich! Zur politischen und gesellschaftlichen Karriere vorgestellter Wesen*, Universität Tampere: Forschungsinstitut für Sozialwissenschaften.
- Spörk I. (1996) 'Das Phantasma vom "Anderen": Überlegungen zu Genese und Aktualität des Fremdbildes am Beispiel der "Juden"', in: K. Hödl (ed.) *Der Umgang mit dem 'Anderen'. Juden, Frauen, Fremde*, Vienna: Böhlau, pp. 23–30.
- Stern F. (1991) *Im Anfang war Auschwitz: Antisemitismus und Philosemitismus im deutschen Nachkrieg*, Gerlingen: Bleicher.
- Szymanski A. (1985) 'The structure of race', *Review of Radical Political Economics*, Vol. 17/ 4, pp. 106–20.
- Taguieff P.-A. (1987) *La Force du Préjugé: Essai sur le Racisme et ses Doubles*, Paris: Editions La Découverte.
- Tajfel H. (1981) *Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Tajfel H. and Turner J. C. (1985) 'The social identity theory of intergroup behaviour', in: S. Worchel and W. G. Austin (eds) *Psychology of Intergroup Relations*, Chicago, IL: Nelson- Hall, pp. 7–24.
- Titscher S., Wodak R., Meyer M. and Vetter E. (1998) *Methoden der Textanalyse*, Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Toulmin S. (1969) *The Uses of Argument*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Turner J. C. (1981) 'The experimental social psychology of intergroup behaviour', in: J. Turner and H. Giles (eds) *Intergroup Behaviour*, Oxford: Blackwell, pp. 66–101.
- Turner J. C. (1985) 'Social categorisation and the self-concept: A social cognitive theory of group behaviour', in: J. Lawler (ed.) *Advances in Group Processes*. Vol. 2, Greenwich: JAI Press, pp. 77–102.
- Turner J. C. and Giles, H. (eds) (1981) *Intergroup Behaviour*, Oxford: Blackwell.
- Turner J. C., Hogg, M. A., Oakes, P., Reicher, S. and Wetherell, M. (1987) *Rediscovering the Social Group: A Self-Categorisation Theory*, Oxford: Blackwell.
- van Dijk T. (1984) *Prejudice in Discourse*, Amsterdam: Benjamins.
- van Dijk T. (1991) *Racism and the Press: Critical Studies in Racism and Migration*, London: Routledge.
- van Dijk T. (1993) *Elite Discourse and Racism*, Newbury Park, CA.: Sage.
- van Dijk T. (1998a) 'Context models in discourse processing', in: H. Oostendorp and S. Goldman (eds) *The Construction of Mental Models during Reading*, Mahwah, NJ: Erlbaum, pp. 123–48.

- van Dijk T. (1998b) *Ideology. A Multidisciplinary Study*, London: Sage.
- van Dijk T., Ting-Toomey, S., Smitherman, G. and Troutman, D. (1997) 'Discourse, ethnicity, culture and racism', in: T. van Dijk (ed.) *Discourse as Social Interaction*, London: Sage, pp. 144–80.
- Wallerstein I. (1979) *The Capitalist World-Economy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Wallerstein I. (1990)[1988] 'Ideologische Spannungsverhältnisse im Kapitalismus: Universalismus vs. Rassismus und Sexismus', in: E. Balibar and I. Wallerstein (eds) *Rasse, Klasse, Nation. Ambivalente Identitäten*, Hamburg, Berlin: Argument-Verlag, pp. 39–48.
- Westwood S. (1994) 'Racism, mental illness and the politics of identity', in: A. Rattansi and S. Westwood (eds) *Racism, Modernity and Identity: On the Western Front*, Cambridge: Polity Press, pp. 247–65.
- Wetherell M and Potter J. (1992) *Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation*, New York: Harvester Wheatsheaf.
- Wiegel G. (1995) *Nationalismus und Rassismus: Zum Zusammenhang zweier Ausschließungspraktiken*, Köln: PapyRossa-Verlag.
- Wieviorka M. (1991) *The Arena of Racism*, London: Sage.
- Wieviorka M. (1994) 'Racism in Europe: Unity and diversity', in: A. Rattansi and S. Westwood (eds) *Racism, Modernity and Identity: On the Western Front*, Cambridge: Polity Press, pp. 173–88.
- Wippermann W. (ed.) (1997) 'Wie die Zigeuner': *Antisemitismus und Antiziganismus im Vergleich*, Berlin: Elefanten Press.
- Wistrich R. S. (1996) 'Antisemitism in the New Europe', in: K. Hödl (ed.) *Der Umgang mit dem 'Anderen': Juden, Frauen, Fremde*, Vienna: Böhlau, pp. 31–46.
- Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K., Hofstätter K. and Kargl M. (1998) *Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Wodak R., Pelikan J., Nowak P., Gruber H., de Cillia R., Mitten R. (1990) 'Wir sind alle unschuldige Täter!' *Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Zerger J. (1997) *Was ist Rassismus? Eine Einführung*, Göttingen: Lamuv.